

детективная мелодрама

Галина РОМАНОВА

Осколки
ледяной
души

Детективы Галины Романовой. Метод Женщины

Галина Романова
Осколки ледяной души

«ЭКСМО»

2009

Романова Г. В.

Осколки ледяной души / Г. В. Романова — «Эксмо»,
2009 — (Детективы Галины Романовой. Метод Женщины)

ISBN 978-5-699-21355-9

От Тани Верещагиной ушел муж. Как жить одной, где искать новое счастье?.. Жизнь казалась ей пустой и унылой. А тут еще и страсти какие-то начались: во дворе дома то и дело появляется загадочный человек в черных одеждах и белых носках. Неужели это предвестник несчастий? Ведь после встречи с ним умерла Танина соседка. Вскоре погибла другая... Двери их квартир до этого кто-то пытался взломать. Когда Верещагина увидела, что и ее дверь хотели вскрыть, – в ужасе убежала из дома. Но разве можно спастись от черного человека? Да и кто он?.. Сложно было представить, что авантюрная идея изложить на бумаге придуманную криминальную историю внезапно перерастет во что-то серьезное и станет смыслом жизни. Именно с этого начался творческий путь российской писательницы Галины Романовой. И сейчас она по праву считается подлинным знатоком чувств и отношений. В детективных мелодрамах Галины Романовой переплетаются пламенная любовь и жестокое преступление. Всё, как в жизни! Нежные чувства проверяются настоящими испытаниями, где награда — сама жизнь. Каждая история по-своему уникальна и не кажется вымыслом! И все они объединены общей темой: настоящая любовь всегда побеждает, а за преступлением непременно следует наказание. Суммарный тираж книг Галины Романовой превысил 3 миллиона экземпляров!

ISBN 978-5-699-21355-9

© Романова Г. В., 2009

© Эксмо, 2009

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	18
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Галина Романова

Осколки ледяной души

Глава 1

То, что было ему нужно, лежало на виду.

Небольшую музыкальную шкатулку никто и не думал прятать. Ума не хватило или осторожности. Она стояла на краешке старомодного полированного серванта, в центре белоснежной накрахмаленной салфетки, сплетенной чьими-то умелыми руками. Небольшая пластмассовая шкатулка с изображением златоглавой по всему периметру. Наверняка чей-нибудь sentimentalный подарок к годовщине великой Победы. Наверняка...

Он самодовольно улыбнулся, но так, чтобы улыбку его никто не заметил. Спугнуть с таким трудом установившееся доверие нельзя. Не за тем он здесь.

Он вошел, огляделся, восхищаясь чистотой и уютом. Это всегда пленяло, он знал. Пленяло и раскрепощало.

– Может, чаю? – вдруг спросили его, невзирая на позднее время, совершенно, казалось бы, неподходящее для чая.

– Чаю? – переспросил он, еле оторвав взгляд от вожденной шкатулки.

Приоткрыть изящную крышечку и заглянуть внутрь хотелось до зуда в ладонях. А еще больше хотелось подержать в руках то, что лежало внутри. Он обожал подобные вещи. Пускай они не задерживались у него и никогда он не был им хозяином. Но держать в руках, ласкать подушечками пальцев и любоваться какое-то время было для него слаще вечного обладания. Пускай на время, пускай не навсегда, но держать и любоваться...

– Чаю? – снова переспросил он. – Что же, давайте чай.

Это была сущая импровизация. Ему не следовало задерживаться здесь надолго. Надо было отвлечь либо отключить внимание. Забрать то, за чем пришел. И исчезнуть под покровом ночи, быстро и по возможности незаметно. Но предложили чай... Может, оно и к лучшему, не придется никого трогать и причинять вред. Пока идет возня с чашками, сахарницами и заварочным чайником, он быстро заберет то, что отслеживал последние четыре месяца, и уберется прочь.

У него почти получилось. Почти...

Он так торопился, так внимательно прислушивался к шуму на кухне, что совсем упустил из виду тот факт, что шкатулка была музыкальной. Грубый скрежет металлических аккордов ворвался в комнату, заглушив и громкое тиканье старомодного будильника на столе, и звон посуды на кухне.

«Черт!» – едва не выругался он вслух. Все же без грубой физической силы не обойтись. Он так этого не любил, но, как говорится, обойти форс-мажорные обстоятельства не удастся.

– Что такое?! – раздался возмущенный возглас за его спиной. – Чего это вы шарите по моим вещам?!

– Было ваше, стало наше, – быстро произнес он, убирая вожденную вещицу в карман, повернулся на каблуках и резко ударил в висок.

Удар был хорошо поставлен, выверен и разил наповал. Он это знал, но отчего-то немного промахнулся. Пришлось дорабатывать и слушать сдавленный хрип и хруст височной кости. Бр-р-р, ох уж эти обстоятельства непреодолимой силы. Он терпеть их не мог. Ну да ладно. Случается всякое. Теперь нужно протереть все, чего касался, и незаметно исчезнуть.

Он достал из кармана заранее заготовленный платок. Вытер тщательно все, даже чего не касался. Еще раз проверил пульс, вернее отсутствие одного, и лишь тогда покинул квартиру.

Встреча назначена лишь через час. Но клиент совершенно неожиданно позвонил.

– Да, – приглушенно проговорил он, выезжая на проспект.

– У тебя? – спросили, забыв поздороваться.

– Угу... – Он вильнул, едва не задев бампером крутой «бумер», выругался про себя и повторил нетерпеливому клиенту: – Все у меня, не стоит так нервничать.

– Без проблем? А то смотри, мне осложнения ни к чему. Замешаны достаточно влиятельные люди и...

– Все нормально, – перебил он и ухмыльнулся.

Так он и рассказал заказчику о своих проблемах, как же! И о том, что первый удар пришелся вскользь, и о том, как долго пришлось торчать в подъезде, чтобы не видели, когда он оттуда выходит. Это его печаль и ничья больше. И ему с этим справляться в одиночку. Но он справится. Обязательно справится. Такое случалось и прежде, и всегда ему везло...

Глава 2

Надежда Ивановна опять скандалила. Громко, с упоительным надрывом она поливала кого-то, не видимого Татьяне, и голос ее метался растревоженной вороной, задевая встрепанными крыльями бетонные стены многоэтажек, взявших в хоровод их уютный заасфальтированный дворик.

Вылезать из-под одеяла совершенно не хотелось. С наступлением осени, прямо с первых ее дней в квартире стало прохладно и неуютно. Будто и не жарило солнце минувшие три месяца, нагревая паркетины до того, что по ним было больно ступать. И будто не приходилось занавешивать окна и поднимать жалюзи лишь после семи вечера, когда солнечный раскаленный диск медленно, словно нехотя, исчезал за выступом крыши соседнего дома. Казалось, конца этому изматывающему пеклу не будет. А потом разом бац и все, тепла как и не бывало. Засентябрило прямо с первых чисел. Тут вам и густой, будто кисель, туман по утрам, и ленивый промозглый дождичек к вечеру. После горячей ванны залезть под теплое одеяло и поскорее уснуть стало для Татьяны пределом всех ее дневных мечтаний. Ничего с таким отчаянием она так не жаждала, как конца этого бесконечного дня...

Этим бесконечным дням...

А тут еще Надежда Ивановна со своими воплями. А может, ну ее к черту, а?! Может, продолжать лежать и не вникать, а?!

Нет... Пропустить скандальную проповедь она не имела права. Пару недель назад Надежда Ивановна так же вот захлебывалась праведным гневом. Татьяна тогда только-только ввалилась в квартиру, швырнула ключи на полку под зеркалом и, сбросив с ног туфли, повалилась без сил на диван в гостиной. Тут-то ее и настиг визгливый тенор соседки с первого этажа. Подниматься с дивана, выходить на балкон и, перевесившись через перила, вникать в суть проблемы в тот момент не было ни сил, ни желания. Как впоследствии оказалось – зря. Надежда Ивановна орала конкретно на ее машину, попутно не забывая полоскать и ее – Татьяну – лично...

Крики под окнами между тем набирали обороты. Кажется, к Надежде Ивановне присоединился кто-то еще и еще. Татьяне все же пришлось встать. А ну как задние колеса ее «Мазды» опять взгромоздились на бордюр, что тогда?! А тогда придется снова одеваться, выходить на улицу и парковаться еще раз. Тоска...

Татьяна пошарила рукой в изголовье, нашла выключатель и, зажмурившись, шелкнула им. Мягкий свет, окрашенный абажуром в розовое, вкрадчиво пополз по ее спальне. Широкая кровать, предмет их недавней супружеской гордости. Две тумбы с зеркалами в изголовье. Белый полированный шкаф для одежды. И целый ряд фотографий в дорогих рамках на стене. Ровный длинный ряд на ровной длинной стене.

С этими фотографиями была просто беда. На них, на этих фотографиях, они все улыбались и были беспечны и просто до неприличия счастливы. Она, ее Санечка и Иришка...

Татьяна бросила вороватый взгляд на портреты и тут же поспешно отвела его. Ей нельзя было смотреть туда, совсем нельзя. Если начинала смотреть, сразу становилось худо. Разом начинало все болеть и моментально требовалась подушка. Хотелось ухватить ее зубами и выть в нее глухо и страшно. И так ведь выть, чтобы не услышали соседи. Сколько порывалась снять эти фотографии к чертовой матери. Снять, сложить ровной стопкой в картонную коробку, заклеить скотчем и убрать на антресоли. Чтобы не видеть, как этот дурацкий розовый свет молодит их застывшие перед камерой лица. Чтобы не вспоминать, чтобы не болеть и чтобы не плакать...

Светка не велела. Единственный человек, оставшийся у нее после бегства всех остальных.

Светка... Светуля... Светланка...

Верная, преданная и порядочная. Таких правильных и порядочных Татьяна больше никогда и нигде не встречала. Только вот Светка одна.

– Не смей трогать! – прикрикнула подруга, когда Татьяна поделилась с ней своими замыслами. – Не тобой повешено, не тобой будет и снято.

Портреты вешал Санечка.

Ее голубоглазый, белокурый и кудрявый, как Есенин, Санечка.

Первая и последняя ее любовь, ее боль, ее нежность.

Это она так определила для себя. Светка, правда, не верила.

– Ой, да брось! Все пройдет! – вешала она, занавешиваясь от нее сигаретным дымом. – Э-ээх, Танька, нам ли жить в печали?! Ты у нас кто? Ты у нас личность! Квартира у тебя, машина опять же, должность. Заместитель генерального это вам не хрен в огороде. А Санечка твой кто?!

– Кто? – сипела Татьяна, с трудом продирая свой голос сквозь слезы и табачный дым от Светкиной сигареты.

– Он, Танька, сволочь! Интеллигентная утонченная сволочь! Поверь мне и не печалься!..

Татьяна верила, но не печалиться не получалось. Но верить – верила безоглядно. Ей просто ничего уже не оставалось, как только верить Светке. Да и верить-то особо больше некому. Ведь никого, кроме Светки, у нее не было.

Даже Иришки...

– Ирка твоя тоже засранка хорошая, – рубила ладонью воздух Светка. – Где это видано, чтобы от родной матери к отцу сбежать! И что ей там, у отца-то?.. Пустая хлебница с холодильником да тараканы по углам!

– Он ненавидит тараканов, Свет. Он вывел их чем-то, – вяло протестовала Татьяна, все так же через силу выдавливая из себя по слову. – И хлеб они покупают. И колбасу, и сахар...

Лучше бы ей было не вспоминать этот злополучный сахар, потому что Светка тут же кашляла от дыма, сатанела лицом и начинала страшно материться.

Татьяна ее понимала. Ох, как она ее понимала! Этот злополучный сахар испортил им жизнь. Всем троим: ей, Санечке и Иришке. Казалось, что с него, с этого сыпучего кристаллического продукта и начались все беды в конкретно ее личной жизни.

А началось все... Как бы не споткнуться в воспоминаниях... Да, точно! Началось все со сватовства, если, конечно, можно этим патриархальным словом осквернить сам факт знакомства Санечки с ее мамой.

Ох уж эти мамы!..

На каждого по одной богом дадено, но таких, как у Татьяны, она была просто уверена в этом, не было ни у кого.

Ее мать была монстром во плоти и по сути своей.

Унизить, прижать к земле, заставить сомневаться, ненавидеть себя... Это было для мамочки удовольствием, ежедневной утренней разминкой, смыслом жизни.

– Ты?! Ты дочка?! Да ты же неудачница, каких поискать! – восклицала обычно мать, когда Татьяна пыталась поделиться с ней своим очередным проектом. – Тебе ли в это влезать с твоими куриными бабьими мозгами! Тебя же растопчут на второй день, растопчут и вытрут о тебя ноги!

Пока что мать с этим успешно справлялась в одиночку. Идею Татьяниного замужества, к примеру, родительница высмеяла через три минуты после того, как услышала о ней.

– Ты просто дура! – подло ухмыльнулась она своему отражению в зеркале, сидя к дочери спиной. – Могла бы выбрать кого-нибудь поинтереснее. Холостых дипломатов пруд пруди. То общество, куда мы с тобой вхожи, просто кишит приличными обеспеченными мужчинами, а

ты... Ну, я готова была бы даже смириться с депутатом. Бог с ним, сейчас такое время... Но экономист!!!

В ее устах это звучало просто ругательством. Никакие Татьянины аргументы не шли в пользу Санечке. Ни его опыт, ни востребованность на рынке труда. Даже его обеспеченность жилплощадью казалась минусом.

– Квартира какая! – фыркала мать с преувеличенным презрением. – Двушка в восьмиэтажке! Это ты считаешь приличным жильем?! Ты там так и состаришься в этой квартире. Состаришься и умрешь! Кого я вырастила, боже?.. Ну, дура же душой... Замуж она собралась!..

Замуж Татьяна все-таки собралась. Невзирая на яростный протест матери. Невзирая на сотню приведенных ею контраргументов. Невзирая на мучительное мимолетное сомнение. Что было, то было, сомневалась иногда. Не часто, правда, но все же...

И в результате Санечка пришел в их с матерью дом о двух этажах совершенно неподготовленным. Нет, он, конечно же, был прилично одет и причесан. Розы, шампанское, дорогие конфеты и все такое. Как говорится, все при нем. Не было одного – стойкости. Он не умел держать удар. И она его сломала. В смысле – мать.

Сначала она долго и придирчиво рассматривала подарки. Мило улыбалась и интересовалась ценой и местом приобретения. Потом усадила за стол и продолжила...

– А ваши родители, они?..

– Простые люди. – Санечка бесхитростно улыбнулся. – Мама – медицинская сестра. Отец – токарь.

– Как же они учили-то вас, деточка? Тяжело, наверное, было.

Ее лжесочувствия он снова не разглядел и продолжал в том же духе. Рассказал все без утайки. И как масла сливочного неделями не видели. Мясо? Какое мясо, помилуйте!.. Молоко? Молоко иногда покупали. Когда начал подрабатывать, стало полегче. Кем подрабатывал? Да вагоны разгружал...

Мать слушала очень внимательно, время от времени бросая на помертвевшую Татьяну искрометные взгляды. Она бы даже затруднилась сказать, чего в этих взглядах было больше, торжества или ехидства. А может, и того и другого пополам.

– Идемте, Александр, я покажу вам наш дом, – проговорила маман, вдоволь натешившись его унижением. – Идемте...

И они пошли.

Мать провела его по всем шести комнатам, включая все малюсенькие кладовки и крохотную комнатку под лестницей. Подробно остановилась на каждом предмете мебели, живописуя его баснословную стоимость, проблемы транспортировки и нерасторопность продавцов при продаже. При этом она театрально всплескивала руками, закатывала под редкие брови водянистые глаза и все время спрашивала:

– Вы представляете, Санечка?!

Конечно же, он не представлял! Да и мог ли он! Татьяна и сама порой затруднялась ответить: зачем нужно покупать диванчик для холла по стоимости отечественных «Жигулей». Или это новое кашпо, последнее приобретение матери... Красиво, несомненно. Но цена!.. У Татьяны и сейчас при ее материальной независимости не было возможности отдать за цветочный горшок свой оклад. Но мать...

Она была и оставалась тем, кем была: властной, непримиримой, безжалостной и капризной, когда дело касалось ее прихотей.

Потом был семейный фотоальбом в дорогом кожаном переплете.

– А это мы с Танюшей в Италии... Это Англия. Вы там не бывали, Саша? Ах, да, о чем это я! – следовал коротенький смешок, и снова: – Это первая Танечкина норковая шубка. Ну не прелесть ли! Она тогда только начала ходить. Вам нравится, Саша?! Вам не может не нравиться...

Он занервничал где-то через час. Принялся крутить шеей, теребя неумелый узел галстука, и все время то расстегивал, то застегивал верхнюю пуговицу белоснежной дешевой сорочки. Мать все это видела, но не унималась.

– Идемте, Саша, я покажу вам Танины украшения...

Смотреть Танины украшения Санечка отказался наотрез, но вот от чая не отказался. А зря! Лучше бы наоборот. За чаем мать его добила окончательно.

– Что это вы, Сашенька, всего одну ложечку сахара кладете на такую громадную кружку?! – Сама же притащила из кухни эту кружку, мотивируя это его мужской ненасытностью, и сама же... – Вы не стесняйтесь, не стоит.

– Я и не стесняюсь. – У Санечки покраснели сначала уши, затем щеки и едва заметно задергалась верхняя губа. – Так привык.

Он-то, дурачок, думал, что лаконичность ответа она сочтет за достоинство, но ошибался. Пожилая женщина тут же расхохоталась квакающим ненатуральным смехом, потом закашлялась и, обмахиваясь ухоженными ладошками, запричитала:

– Что же вы, Сашенька, не намереваетесь расставаться со своими привычками?! Полноте, милый вы мой! Уж в чем в чем, а в сахаре мы вам отказать не можем. Какой бы трудной ни была ваша прежняя жизнь, уверяю вас, недостатка в сахаре у вас теперь не будет. Уж я этого не допущу...

Татьяна готова была ее задушить. Погрузить пальцы в рыхлую бледную кожу хлипкой шеи маменьки и давить, давить, давить... Никогда прежде и никогда потом она не испытывала подобной ненависти. Но в тот день!..

– Уж поверьте мне, Саша! – продолжала захлебываться смехом мать, откинувшись на высокую спинку стула. – Не допущу, поверьте!

Он всему поверил. И тому, что эта ужасная женщина по-настоящему ужасна. И тому, что она не даст им с Татьяной возможности жить долго и счастливо и умереть в один день. И тому, что он перед ней просто-напросто бессилён. Об этом он так и заявил своей любимой, в изнеможении облокотившись на причудливо изогнутые перила крыльца.

– Зря мы с тобой, малыш, все это затеяли, – пробормотал он подавленно и, стащив через голову галстук, расстегнул на сорочке сразу три пуговицы. – Ничего не получится... Зря!

– Ничего не зря, – прошептала тогда Татьяна и заплакала беспомощными злыми слезами. – Как ты можешь мне говорить о таком! Как ты быстро сломался, Санечка!

– Сломался не я, Танюша. Она просто... Она просто ломает все в нас, понимаешь!

Тогда она этого не понимала, Санечка в этом отношении оказался намного дальновиднее. Она вот не смогла, а просто, рыдая, проговорила:

– Не нужно было затевать этого знакомства. Совсем не нужно. Нужно было взять свой халат и тапочки и переехать к тебе...

Так она и поступила. Ничего не взяла из дома матери, кроме нижнего белья, любимого длинного халата и милых сердцу мохнатых теплых тапочек.

И стали бы они жить-поживать да добра наживать, как бы не мать да не злополучный сахар.

Сказки со счастливым концом не получилось. Их счастье было изначально обречено. Так ей Санечка и заявил, в очередной раз рассыпав сахар по полу на их небольшой кухне. Татьяна тогда только успела выйти из душа и, опаздывая на работу, металась по квартире в поисках массажной расчески.

Она вбежала на кухню, подскочила к подоконнику, намереваясь найти расческу, может быть, под шторкой, и тут этот омерзительный скрип.

– Опять!!! – взвизгнула она; не хотела, конечно, верещать, да так получилось. – Ты опять это сделал?!

– Что? – Санечка, не поднимая головы, неторопливо помешивал чай в высоком тонкостенном стакане.

Он постоянно пил чай из таких стаканов. Тонкое стекло, не выдерживая кипятка, зачастую лопалось, но мужу было на это наплевать. Он со странным постоянством снова и снова доставал с полок очередной стакан, точную копию предыдущего, и пил из него чай.

– Ты опять рассыпал сахар, Саша! – взывала Танечка, сраженная его меланхоличной неторопливостью даже больше, чем самим фактом того, что под ногами опять скрипит сахар. – Неужели так тяжело: взять эту чертову банку и, придерживая ее за самый край двумя руками, осторожненько всыпать сахар в сахарницу?! Это так сложно?!

– Нет. – Он как-то неуверенно пожал плечами. – Нет... наверное. Но у меня почему-то не получается. Это такая проблема, Танюша, из-за которой стоит так кричать?

– Это не проблема, если подразумевать просыпанный тобой сахар, но это проблема, если подразумевать твое ко мне отношение! – Она со злостью сдула прядь волос, упавшую ей на лицо, и с силой дернула на себя шторку кухонного окна; массажи там не было. – Ты знаешь, как меня это раздражает, и тем не менее каждое утро делаешь это! Раз за разом!!! Утро за утром!!! Год за годом! Как мне это расценивать, Саша?!

– Да как хочешь! – Он поднял на нее умные голубые глаза и невесело хмыкнул. – Тебе тяжело со мной, я знаю. С самого начала было тяжело, но...

– Но?! – выдохнула она угрожающе и вызывающе высоко задрала подбородок.

– Но ведь и мне с тобой не просто, Таня! С самого первого дня, с той самой первой минуты, как я стал твоим мужем, я живу с ощущением того, что меня облагодетельствовали. Это же надо – какое счастье!!! Это же надо, как тебе, Саня, повезло! Такая умница, красавица, обеспеченная опять же! А кто-нибудь спросил меня: мне оно надо?!

– Чего тебе не надо? – подобных разговоров прежде не было.

Было угрюмое молчание на неделю, робкие попытки с обеих сторон наладить как-то что-то и постоянное делание вида, что ничего не произошло, но вот чтобы так...

Татьяна растерялась. Взгляд ее заметался по кухне, перепрыгивая с предмета на предмет: стол, холодильник, пара навесных шкафов, мойка, рабочий стол – вполне стандартный набор на их стандартной тесной кухне, ах да, еще три табуретки. Она снова прошла рассеянным взглядом по мебели. Тут массажка и нашлась. Кто-то додумался положить ее на холодильник. Холодильник был двухкамерным и почти упирался в потолок, и вот там-то и лежала эта дурацкая расческа, с которой все и началось. Или все же с просыпанного мужем сахара?.. Ну да неважно это было уже сейчас. Важно было дотянуться до массажки, попытаться потом хоть как-то уложить волосы и как можно быстрее ускользнуть на работу. К черту эти бессмысленные разговоры! К черту утреннее недовольство друг другом! Да и сахар, скрипевший под ногами, тоже к черту. Тот, что просыпали, подметется потом. Нужно было убежать сейчас, а вечером просто сделать вид, что ничего этого не было утром. Так было не раз, и так будет еще, но...

– Нам нужно расстаться, Таня, – совершенно обыденным голосом, будто речь шла о покупке макарон в супермаркете за углом их дома, проговорил ее Санечка. – Сказки не получилось. Наше счастье было обречено с самого начала. Я предупреждал тебя, а ты...

– А я?.. – у нее тут же сел голос. Он всегда у нее садился, если она волновалась или плакала.

– А ты поспешила с переездом. – Он как-то совсем уж безразлично пожал плечами и снова посмотрел на нее долго и внимательно – ее неподражаемо голубоглазый муж, до одури похожий на все портреты Есенина, которые она когда-либо видела. – Не нужно было торопиться, Таня. Мы же с тобой очень разные люди. Очень! И я... опять же сахар все время просыпаю, хотя и привык на всем экономить.

Его последний язвительный упрек был несправедливым. Санечке было это известно не хуже, чем ей. Но он для чего-то все равно его ей выдал.

– И что же дальше? – Татьяна осторожно протиснулась между рабочим столом и его коленками к холодильнику и, встав на табурет, потянулась к массажной расческе. – Мы прожили с тобой пятнадцать лет вместе. И что теперь? Расставаться? Из-за чего, господи?! Санечка! Из-за чего? Из-за сахара?

– И из-за сахара тоже. – Он интенсивнее заболтал ложечкой в стакане, свесив кудри почти до стола. – Я его постоянно просыпаю, ты постоянно из-за этого бесишься. А могла бы и промолчать. Но ты бесишься и бесишься, орешь и орешь, почти каждое утро. А могла бы...

– Могла бы что? – Она сунула расческу в карман халата, вернула табуретку на место и снова, старательно обходя его угловатые коленки, пробралась к выходу из кухни.

Бежать нужно было, как можно быстрее бежать, иначе они до такого договорятся, до чего никогда прежде не договаривались.

– Могла бы мне просто чай наводить с утра, и все! – воскликнул он вдруг с чувством и незнакомо громыхнул табуреткой. – Просто наводить мне чай с утра и еще готовить мне завтрак!

– Завтрак? Тебе? Но... Но я и сама никогда не завтракаю. – И вот тут Татьяна растерялась во второй раз.

В голову тут же полезли страшные мысли о другой женщине или об очередной, пропущенной ею, материнской подлости.

Нет, нет, Татьяна тут же поспешно отогнала их прочь. Материнские вылазки в стан врага – то есть в их дом – Санечка всегда озвучивал, подробно комментируя каждую маменькину реплику.

Женщина... Вряд ли. Он был по натуре однолюбом, и потом... Потом, Татьяна считала себя привлекательной, а таким женщинам, по ее мнению, не изменяют мужчины.

Она тогда еще просто не догадывалась, что изменяют всяким.

Оделась она в рекордно короткое время, чего раньше не делала бы никогда. Женщина должна, нет, она просто обязана безукоризненно выглядеть. Но в это утро все с самого начала пошло не так, потому и одевалась второпях. Металась, будто сумасшедшая, между шкафом с одеждой и зеркалом и совсем упустила из виду тот факт, что на полках сильно поредели стопки с одеждой. Совсем не разглядела, дурочка! А оказалось...

Оказалось, что он уже собрал свои вещи и уложил их в большую дорожную сумку. И сумку Татьяна проглядела тоже, а та ведь стояла в шкафу, притулившись у задней стенки и задевая собой край ее белого плаща. Спешила, вот и не разглядела. А вечером... Вечером он не вернулся. Не вернулся, а просто позвонил.

– Ты где, милый? – вяло поинтересовалась Татьяна и с силой подавила зевок, так хотелось спать, просто ужас, но Санечка не терпел, когда она зевала в трубку, пришлось сделать над собой усилие. – Уже поздно, заканчивай свою экономическую бодягу и дуй домой. Я ребрышки зажарила.

Ребрышки она еще не успела зажарить, а только собиралась. Но не говорить же ему об этом, когда так поздно и голос у него такой усталый и печальный. Татьяна надеялась на то, что, пока муж будет добираться домой с другого конца города, все успеет изжариться, подогреться и вскипеть. Но...

Но Санечка вдруг сказал:

– Не нужно ничего, Татьяна. – Он крайне редко называл ее так, раза три-четыре за всю их совместную жизнь.

– Чего не нужно? – Она все же зевнула украдкой, прикрыв трубку ладошкой.

– Ни ребрышек не нужно, ничего. – Санечка тяжело и протяжно вздохнул и зашуршал чем-то оглушительно, а потом... – Я ушел, Татьяна.

– Куда ушел? – Очередной зевок был не за горами, и она с силой стиснула зубы, пропустив весь трагизм момента мимо ушей. – Саня, хватит уже, собирайся домой. Ирка где-то мотается, не звонит, одиннадцатый час уже! Сил мне с вами нет никаких...

– За Иришку не беспокойся, она у меня, – проговорил ее муж сдавленным, не похожим на свой собственный, голосом.

– У тебя где?! На работе?! – Татьяна мгновенно всполошилась.

Контора мужа располагалась на самой окраине. Подступом к ней служил огромный пустырь, засаженный чахлой растительностью. Там и днем-то было жутковато, а уж ночью...

– Нет, она у меня... дома, – совсем грустно закончил Санечка.

– Что-то я не пойму! – Татьяна вдруг разозлилась и с силой пнула крохотную мягкую табуреточку, на которой в детстве сживала дочь перед телевизором. – Дома где?! У кого?! Что ты лопочешь, муж мой!!!

Последовал очередной вздох, шелест, и Санечка в три приема, без долгих пауз, отпущенных на переживания, обрисовал жене ее теперешнее положение.

– Ты теперь холостая женщина, Татьяна, – пояснил он для начала. – Я с тобой развожусь, – проговорил он потом. – Мы ушли из дома вместе с Иришкой. Она будет жить со мной. Мы так решили. Прости... – Это он произнес в финале и тут же бросил трубку.

Какое-то время Татьяна ошарашенно разглядывала телефонный аппарат, потом аккуратно пристроила трубку на место, а потом с ней случилась истерика.

Она орала так страшно и так долго, что соседи вызвали милицию. Милиция приехала и вызвала «Скорую», а медики уже взяли на себя обязательство вызвать Светку.

Светка примчалась быстро, благо жила через дом от нее. Примчалась почти голышом, успев только накинуть кожаную куртку очередного своего ухажера прямо на пижаму. Примчалась, обнялась с несчастной подругой и проплакала вместе с ней до утра, а потом возилась с ней еще полгода. То психологов подсовывала знакомых, то гомеопатов, то гадалок. То просто вытаскивала куда-нибудь на отдых, обвешивая подругу холостяками, будто рождественскую елку игрушками.

Ничего не помогало.

Татьяна продолжала страдать, плакать и каяться.

– Я была плохой женой и матерью, – сипела она, сидя в слезах в углу дивана в Светкиной гостиной. – Я ничего не сделала, чтобы сделать их счастливыми... Я вон даже завтрак им не готовила... И сахар... Светка, я не насыпала ему сахар в сахарницу по утрам, представляешь!!!

От жалости к ней Светка слегла с сердечным приступом в больницу, и Татьяне пришлось на какое-то время приглушить свою боль и заняться подругой. Потом ей вдруг предложили место заместителя генерального в их строительной компании, и пошло-поехало. Татьяна понеслась по жизни галопом, не замечая прожитых дней, одиноких выходных и почти не замечая пустого дома. И если бы не эти фотографии на стене, то все было бы ничего.

Только эти картины их прежнего семейного счастья жутко все портили. Да еще нечаянная встреча двухмесячной давности, после которой ее жизнь снова резко дала по тормозам, и Татьяна опять принялась жутко переживать. Дни вдруг стали длинными-предлинными, пустыми-препустыми и такими промозгло-холодными, что изо всех сил хотелось, чтобы поскорее наступил вечер и можно было залезть под теплое одеяло и уснуть, и забыться...

«Забудешься тут, – со злостью подумала Татьяна, запахивая халат. – Забудешься, как же, когда эта до невозможности неблагополучная женщина орет, не унимаясь».

Отдернув шторы, Татьяна щелкнула дверным шпингалетом и, зябко съезжившись, вышла на балкон.

Ночное сентябрьское небо распласталось над миром огромным решетом, просеивая неясно мигающий звездный свет. Татьяна снова воровато опустила взгляд на балконные перила и в который раз за сегодняшний вечер тяжело и протяжно вздохнула.

Со звездами тоже была просто беда. С ними, этими сентябрьскими звездами, было связано рождение Иришки, и ночные прогулки с ней, ревушей, по городу, и жадные поцелуи под тополем во дворе, когда дочка наконец-то засыпала, и мечты, мечты, мечты...

– Сволочи!!! Наглые, бесстыжие сволочи!!! – заходилась внизу под балконами Надежда Ивановна. – Награбили денег-то, накупили машин и ставят их где попало, чтобы вы сдохли, скоты!!!

Татьяна струхнула. Точно, ее «Мазда» в неположенном месте стоит. Вот ведь беда...

Она подошла к перилам и, ухватившись за них обеими руками, свесилась вниз. С четвертого этажа ей было отлично видно, что происходило там, внизу. Многие годы жильцы бились за то, чтобы их двор был уютным и ухоженным, что подразумевало под собой и асфальт вместо крупной щебенки, и чернозем для газонов, и качели, и освещение в ночное время суток. Приходилось обивать пороги, писать жалобы, создавать рабочие комиссии. Но оно того стоило. И тротуары у них имелись, и бордюрный камень каждую весну белился, и парковочная стоянка подметалась, и все четыре фонарных столба дружно освещали бетонный колодец их двора.

Горел свет и сейчас. И в этом свете металась тучная Надежда Ивановна, пытаясь изгнать из-под своих окон легковую машину. Металась и сквернословила. Любимый байковый халат Надежды Ивановны, который Татьяна помнила столько, сколько жила здесь, и который был таким же неотъемлемым атрибутом их двора, как и четыре фонарных столба, вопреки обыкновению, не был застегнут. Его полы развевались, подобно флагу флибустьерского корабля, выставляя на всеобщее обозрение белую ночную рубашку. Конфуз...

– Убирайтесь, мрази!!! – заходилась бедная женщина и снова и снова наускакивала на автомобиль. – Убирайтесь, или я милицию вызову!!!

Тут водительская дверь открылась, и оттуда наружу выбрался мужчина. Был он высоким, абсолютно лысым и одет во все черное. Черный свитер, черные штаны, черные ботинки, а носки белые. Эти носки почему-то бросились Татьяне в глаза. То ли они резко контрастировали с черным туалетом своего обладателя, то ли отлично сочетались по цвету с ночной сорочкой Надежды Ивановны, но их Татьяна запомнила отчетливо.

– Заткнись, мамаша, достала уже! – достаточно громко проговорил мужчина и подошел к Надежде Ивановне почти вплотную. – Чего тебе надо, я не понял?!

– Убирайтесь! – взвизгнула Надежда Ивановна и попяtilась, ухватившись за сердце. – Я сейчас милицию вызову!

– Я сам себе милиция, дура! – слегка повысив голос, ответил он ей и достал что-то из заднего кармана брюк. – На, гляди! Нет, ну надо, а?! Кто бы мог подумать, что мне придется это делать!..

Надежда Ивановна выдернула у мужчины из рук невидимый Татьяне предмет и начала его внимательно рассматривать.

Наверное, это было удостоверение соответствующих служб, потому как Надежда Ивановна заметно сникла. Она вернула документ владельцу, обошла несколько раз вокруг машины и, повернувшись к малому в черной одежде и белых носках, снова взвилась:

– А где это видано, чтобы милиция на таких машинах ездил, да еще без формы, да в такое то время... Врешь ты, аферист!!!

И вот тут этот аферист ухватил Надежду Ивановну под пухлую руку и достаточно грубо потащил в подъезд.

– Чтоб ты сдох, гадина!!! – снова завизжала Надежда Ивановна, но вскоре ее голос стих за подъездной дверью, бешеный стук которой гулким эхом проскакал от первого до восьмого этажа.

За балконной перегородкой соседней квартиры тихо охнули. И следом голос Софьи Андреевны, генеральской вдовы, доживающей свой век в квартире добрых племянников, проговорил:

– Беда будет, ой беда будет, Танюша...

– Почему? – без интереса отозвалась Татьяна.

Скрывать свое присутствие она не стала, Софья Андреевна обладала уникальными для ее лет слухом и наблюдательностью. Раз обратилась к ней по имени, значит, слышала, как она выходила на балкон и вздыхала тяжело, глядя на звезды.

– Нельзя никому смерти желать, на себя накличешь, – скороговоркой пробормотала Софья Андреевна.

– Да она, Надька-то эта оглашенная, всю жизнь была бусорь бусорью! – громко фыркнула сверху тетя Галя.

Шум во дворе, оказывается, привлек внимание многих. Татьяна быстро пробежалась взглядом по балконам. Да, в самом деле. В двух домах напротив свешивались через перила любопытные. В их доме этажом ниже тоже еще кто-то маячил.

– Устроила представление, дура! – снова возмутилась тетя Галя с пятого этажа. – Ну, стоит себе машина и пускай себе стоит. Ей-то что?! До всего бабе дело есть. Ну, все и всегда! Даже к моей кошке привязалась недавно. Злая и противная она баба, тьфу...

Тетя Галя умолкла, и через мгновение наверху гроыхнула балконная дверь.

Ушла.

С балконов из дома напротив тоже постепенно рассосалась любопытствующая публика. Потом кто-то вышел из дома напротив, гроыхнув дверь. Сел в машину и уехал. И минуты через две-три остались лишь Татьяна и Софья Андреевна.

– Не выходит чего-то, – произнесла Софья Андреевна из-за перегородки. – Не обидел бы ее, Танюша!

– Да ну... – пробормотала та в ответ и еще раз обежала глазами все окна и балконы близлежащих многоэтажек, зевнула и собралась уже было уходить, когда дверь их подъезда снова громко хлопнула.

– Смотри, Танюша, выходит, выходит! – азартно зашептала Софья Андреевна. – Чего-то руки вытирает платком, Танюша! Ой, чует мое сердце беду! Ох, чует...

И вот надо было ей снова подойти к перилам и перевеситься через них, пойдя на поводу у собственного алчного любопытства и неугомонной вдовствующей генеральши. Надо же было...

Малый и в самом деле вытирал пальцы платком. В самом деле вытирал и при этом оглядывался. Не по-хорошему оглядывался, опасливо. А потом вдруг вскинул голову кверху и увидел ее. Ей бы отпрянуть, спрятаться в темноте балконной ниши и дело с концом. А она нет! Стоит себе, свесившись с перил, и смотрит на незнакомца. Она на него, а он на нее. На какой-то момент Татьяне даже показалось, что глаза у него такие же черные, как и его одежда, и еще, может, душа такая же черная. Но это все глупости были, мимолетное заблуждение. С высоты четвертого этажа она, конечно же, не могла ничего такого рассмотреть. Вот машину рассмотрела хорошо: светло-бежевая «четверка» с тонированными стеклами, длиннющей антенной на багажнике и номером из трех восьмерок.

И еще незнакомца рассмотрела довольно неплохо. Высокий, широкоплечий. С гладко выбритым черепом и широченными, как штык лопаты, ладонями. А глаза... Глаза, конечно же, не разглядела, но от пристального взгляда невольно поежилась и поспешила убраться с балкона. Следом за ней ушла с балкона и Софья Андреевна.

Татьяна заперла дверь на шпингалет, задернула шторы и, затаив дыхание, немного послушала. Мотор взревел через минуту. Уехали. А чего приезжали-то? Просто постоять под окнами Надежды Ивановны? Хотя ей-то какая разница! Может, у ребят стрелка здесь была. Или он в машине был с любовницей – этот высокий, бритый наголо парень – и пристроился под окнами просто ради тайного удовольствия. Он же не знал, что женщина эта мало сказать криклива. Она склочна и неугомонна. Но, видимо, парень мог быть убедительным, раз Надежда Ивановна

все же уgomонилась. Хотя уgomонилась ли? Может, сидит сейчас в тиши своей однокомнатной хрущобы и накручивает диск древнего телефонного аппарата, пытаясь выяснить: действительно ли числится в личном составе Управления внутренних дел такой-то вот Иванов Иван Иванович. Кто же знает...

Хватит, решила для себя Татьяна, укрываясь по самый нос пуховым одеялом.

На сегодня хватит. Завтра вставать рано. Потом долго и тщательно приводить себя в порядок. Завтра встреча с потенциальным заказчиком, которого рвут на части конкуренты. Ей нужно хорошо выглядеть, она лицо фирмы. А чтобы так выглядеть, нужно выспаться. Спать. Немедленно спать...

Глава 3

– Алло... – Язык совершенно не ворочался, плотно прилегая к небу, будто приклеенный, в голове вообще творилось что-то невообразимое. – Алло, слушаю вас, черт возьми!..

В трубке посопели с минуту, затем отчетливо шмыгнули носом, а затем раздалось робкое:

– Здравсте, это я, Татьяна... Верещагина Татьяна.

– А-аа, это ты! Привет!.. – чуть приоткрыв глаза, ровно настолько, чтобы отыскать поставленный с вечера на тумбочку стакан с разведенным в воде аспирином, Степан с шумом выдохнул. – Который час?

– Восемь, – прошелестела в ответ Верещагина (черти бы ее побрали!) и тут же поспешила уточнить: – Восемь утра... Суббота... – И уж совсем не к месту добавила: – Семнадцатое сентября.

Дура, оскорбился до глубины души Степан.

Как есть дура, круглая дура! Отыскал прищуренными глазками стакан. Дотянулся до него и с жадностью выпил. Потом перевел взгляд на часы и засек время. Минут через десять должно стать легче. Он знал это доподлинно, потому как проделывал подобную процедуру не раз. Как не раз зарекался не напиваться до такого свинячьего состояния, в котором пребывал накануне.

Хотя повод был более чем достойный.

Вчера вечером проставлялся старый друг Кирюха, обмывая очередную свою помолвку. Проставлялся с такой щедростью, на которую прежде не приходилось и рассчитывать. И вот вам результат – жуткое, омерзительное похмелье.

А начиналось-то ведь все как всегда – вполне прилично. Прилично до раздражающей нервы и скулы зевоты.

Они все – жених, невеста, ее и его родители, его и ее друг с подругой – встретились в ресторане. Посидели, поговорили. Чинно поговорили, правильно, приглушенно посмеивались над приличными шутками. Немного потоптались на танцевальном пяточке, танцуя все больше под медленные композиции, чтобы тоже все было прилично – без взбрыкивания ногами и потных подмышек. Потом погуляли по набережной. Развезли всех по домам: его и ее маму с папой, оставили дома невесту, доставили по месту жительства подругу невесты.

И все... Дальше понеслось... Дальше началось такое...

Степан брезгливо поморщился, вспомнив необузданный секс с барменшей прямо в подворотне у бара, в котором они с Кирюхой доходили до конечной кондиции. Он бы лично, может, и не стал с ней ничего такого, кабы не друг. Искуситель еще тот, черти бы его побрали!

– Степа! – зашептал он ему на ухо, когда девочка пару раз стрельнула в их сторону жарким обещающим взглядом. – Смотри, какая телка задурелая! Это же твой типаж, Степка! Давай, мочи ее!

– Что, прямо здесь, что ли?! – Степан еще, помнится, огляделся по сторонам.

Невзирая на поздний час (вернее, на ранний – было уже четыре утра), посетителей в баре было немало. Представить себе, как он сдирает с девчонки ее крохотную юбочку и трусики в ниточку, даже в его состоянии было как-то затруднительно.

– Ты че, Кирюха! – ухмыльнулся тогда Степан, но пристально и детально принялся рассматривать барменшу. – Тут народу тьма. Как я могу?

– Да ладно тебе париться! Э-эх, кабы не моя женитьба, я бы ее... – Кирюха мечтательно закатил глаза. – Я бы ее прямо на этой стойке...

Было ясно, что друг его откровенно подначивает.

Конечно, не стал бы он иметь секс с барменшей прямо на стойке – это раз.

А два – это то, что ни один из трех предыдущих браков не был ему препятствием на пути к желанному телу. Степан ему так прямо об этом и сказал.

– Не, Степ! На этот раз все серьезно! – печально пробубнил Кирилл, как, впрочем, заявлял и в предыдущие три раза. – Нюся... Она такая вся...

– Какая она, твоя Нюся? – фыркнул недоверчиво Степан.

Последний выбор друга, если честно, поставил его в конкретный тупик. Анна – так звали четвертую по счету невесту Кирилла – была тщедушна телом, непривлекательна лицом и патриархальна взглядами, будто пыльный пергаментный свиток на библиотечной полке. Увидев Нюсю впервые и послушав ее минут двадцать, Степан еле удержался от того, чтобы не схватить друга за шиворот и не утащить его от нее куда подальше. Но сдержался. Выбор друга – дело святое. Нравится – пускай себе женится. Вопрос – надолго ли – в этот раз также повис в воздухе...

– Нюся, она такая правильная, знаешь! – воскликнул Кирилл, правда, без былого восторга, что наличествовал в его голосе еще пару месяцев назад.

– Догадываюсь, – сдержанно согласился Степан, во всю семафора глазами девчонке за стойкой. – И что?

– Вот я и хочу, чтобы детей мне родила именно она! Она и воспитать их сможет как положено. И я всегда могу быть уверен в том, что... – И вот тут Кирюху прорвало, и он как заорет: – Что эта моль никогда не приведет в мой дом мужика, как сука моя Верка! Что она натянет на себя ночную байковую рубаху-саркофаг и будет сидеть и ждать меня! Каким бы и во сколько бы я ни пришел!..

– Не факт, – вяло возразил Степан, изо всех сил жалея запутавшегося друга. И чтобы хоть как-то скрасить испорченное настроение, он вдруг брякнул: – Ну что, дружище, ты и в самом деле хочешь, чтобы я трахнул эту куколку?

– Ну! – Кирюха мгновенно оживился. – Это же твой типаж, брат! Такие сиськи, ноги, задница! И одета она так...

Одета барменша была так себе. То есть почти совсем не одета. Крохотная юбочка, майка на тонких бретельках, ну и еще босоножки. Лифчика на даме не было, и грудь четвертого размера призывно колыхалась над стойкой, ошетилившись в сторону друзей твердыми сосками. Ножищи были длиннющими и гладкими. Попка торчала упругим орешком, и шлепнуть по ней Степану хотелось с каждой минутой все острее. Тут еще девчонка, будто прочувствовав фризовольное направление его мыслей, направилась прямо к ним. Ее ноги переступали совершенно правильно, так поигрывая коленками, как могли делать только «задурелые телки».

Это была их с Кирюхой фишка. Только их и ничья больше. Еще с ранних подростковых лет, когда они присаживались на корточки на набережной и, захлебываясь волной гормонов, подбрасывали маленькое овальное зеркальце под ноги взрослым девчонкам. Еще со времен студенчества и стройотрядов, тиская барышень на сеновалах и провисших койках общежития, они любили только таких вот азартных девчонок. Девчонок, не отягощенных дурацкими принципами, не парящихся из-за того, что мама узнает, что скажут люди и все такое.

Они с Кирюхой мгновенно узнавали таких. В чем бы и с кем бы девчонки ни были, сколько бы им ни было лет, друзья всегда их узнавали. Они могли быть блондинками, брюнетками. Могли быть высокими или нет, пухленькими, худенькими. Да любыми! Внешность не имела значения. Значение имел взгляд – раз. Походка – два. Поворот головы – три. И еще голос. Вот голос должен был быть обязательно... как бы это выразиться точнее... Обещающим, что ли, и еще, наверное, теплым, бархатным, обволакивающим.

Именно таким голосом говорила минувшей ночью с ним длинноногая барменша. Завороживала, убаюкивала, обещала. Сладко так, призывно... И еще смеялась она потрясающе. Заразительно, громко, совершенно неприлично запрокидывая назад кудрявую головку. И Степан сомлел и даже до дома ее не довез, а взял прямо там, у бетонной стены бара. И с наслаждением вдыхал в себя дразняще агрессивный запах ее недорогих духов, и слушал ее смех, ее голос и тискал ее молодое упругое тело...

И это всегда ему нравилось, в этом, по его мнению, и заключалась настоящая жизнь. Когда вот так на скаку, без обязательств и объяснений, без лишней головной боли. Когда каждый день с чистого листа. А вечер – с облегчением перевернутая последняя страница. Это было его.

Девчонки, подобные ночной барменше, никогда не досаждали ему. И Степан забывал о них, стоило им выйти из его квартиры. И он знал, что и они забывают о нем, едва успев хлопнуть подъездной дверью. Это его устраивало.

Случались, правда, проколы и у него, когда не обходилось без слез. Ох, как он ненавидел плачущих женщин! Ох, как ненавидел...

Ненавидел, когда с него пытались требовать что-то, о чем он не имел ни малейшего представления. Однажды, когда одна из таких вот дам, занесенных им в черный список собственных проколов, спросила, а любит ли он ее, Степану едва не сделалось дурно.

– Любовь? – прошипел он тогда в ответ злобно. – А шла бы ты!..

Дама отчалила, а он промучился, как последний идиот, комплексом собственной неполноценности и сволочной несостоятельности остаток ночи и весь следующий день. И вот в тот самый роковой день господь то ли в наказание, то ли в насмешку и послал ему эту Верещагину. Будь он трижды проклят – тот ненастный промозглый день! Будь проклят...

– Чего там у тебя? – буркнул он нелюбезно, вспомнив о своем досадном промахе, заключающемся еще и в знакомстве с ней.

Верещагина снова отчетливо хлюпнула носом и умоляюще проговорила:

– Степа, мне нужно с тобой встретиться.

– Так сегодня суббота! – завопил он, перебивая, и даже приподнялся на локтях, хотя аспирин еще не начал действовать и ему надлежало лежать, не шевелясь, еще минимум минут пять. – Чего это вдруг я должен с тобой сегодня встретиться?! У меня планы на сегодня, к тому же...

Планов никаких не было, он врал безбожно. Все его планы на сегодня сводились к тому, чтобы проваляться большую часть дня на диване. Потом созвониться с Кирюхой. Наведаться в гараж, так они скромно именовали свой разросшийся за последнее время автосервис. А вечером... А вечером можно словить еще какую-нибудь не отягощенную моралью дуреху.

С чего это вдруг он должен портить свой выходной встречей с Верещагиной?! Она и так ему как... как бельмо на глазу, как гвоздь в заднице, как напоминание о том, какой он несовершеннолетний и нехороший, как...

Степан грубо выругался в голос, но тут же потрясенно примолк. Кажется, Татьяна плакала. Это было что-то новенькое, и это было против правил, черт возьми. Почувствовав, что еще мгновение, и он взорвется, Степан бросил трубку.

Да пошла она!

Он в изнеможении откинулся на подушки и замер. Если он хоть что-то понимает в бабах, то она не перезвонит. Не перезвонит, потому что оскорбилась недостойной ее слуха бранью. Она не перезвонит, а он проваляется на диване часов до трех. Потом постарается выпить бульон, который исправно поставляла ему Ираида Васильевна – женщина, нанятая им для ведения своего запущенного дома. Она, правда, не только бульон ему таскала, но и котлеты, и голубцы, и даже кашу однажды рисовую приволокла. И заставила съесть всю до последней рисинки и только после этого позволила ему выбраться из-за стола.

Она вообще была классной теткой – его Ираида Васильевна. И только ей одной после смерти матери он позволял себя гладить по голове. Она гладила, а он нежился, как огромный сытый кот.

– Эх, Степушка, – вздыхала печально его домработница. – Неухоженный ты мальчик. Тебе бы жениться.

– Тьфу, тьфу, тьфу! – испуганно вскидывался Степан и принимался неистово креститься. – Это пускай вон Кирюха за нас двоих отдувается. А я как-нибудь перебыюсь. Да и зачем мне жена, если у меня есть вы, Ираида Васильна!

Против такого аргумента ей возразить было нечего, и, печально вздохнув, она уходила от дальнейшего разговора, принимаясь с удвоенным рвением вылизывать его огромную квартиру.

Степан плотно зажмурился, но уснуть не получалось. Со злостью отшвырнув в сторону одеяло, он свесил ноги с кровати. Рывком поднялся с подушек. Запустил растопыренные пальцы в лохматую шевелюру и зачем-то задумался.

Чего она позвонила ему? В субботу! В восемь-то утра! И хныкала чего-то...

А ему не все равно? Надо подумать... Так все равно или нет?! Как бы нет... Он ведь в каком-то роде на нее работает.

Вспомнив момент их знакомства, Степан глупо ухмыльнулся.

До сих пор было смешно думать об этом. Они с Кирюхой ржали тогда два дня. Накачивались пивом на Кирюхиной даче, ели копченого палтуса, презентованного одним из постоянных клиентов, и ржали, как идиоты.

С чего же она тогда начала, подсев к нему в кафе? Вроде она спросила...

– Мне кажется, вам нужна работа?

Степан поднял глаза от своей тарелки и с изумлением вытаращился на молодую женщину, подсевшую к нему за столик без приглашения.

Лет тридцать, может, чуть больше, решил тогда Степан, без стыда разглядывая ее.

Натуральная блондинка. Голубоглазая, глазастая, ресницы и брови черные, что большая редкость для блондинок. Хотя могла и красить. Достаточно высокая, почти одного с ним роста. Грудь большая, чуть больше той допустимой нормы, что ему нравилась. Запястья и щиколотки узкие. Он не поленился, заглянул под стол, пытаясь рассмотреть ее ноги. Она тут же их подобрала, стесняясь. Хотя стесняться было нечего. Ножки были в порядке.

Она вообще вся была в порядке. От маникюра и высоченных тоненьких каблучков до крохотных мочек ушей. В полном упакованном порядке. Ее неброский костюмчик и туфельки с сумочкой стоили...

Да неважно, сколько все это стоило. Важным было то, что таких вот ухоженных, накрашенных и холеных цыпочек Степан не терпел. Он летел от них, как черт от ладана. Он даже головы в их сторону не поворачивал. И ни в одной самой разнузданной своей эротической фантазии он не представлял себя в постели с такой вот прекрасной эксклюзивной принцессой.

Принцесса и есть, решил он тогда и раздраженно зацарапал вилкой по дну тарелки.

Его от таких мутило. В них не было жизни, не было огня, не было страсти. Гладкие, сверкающие неживым блеском платиновые волосы. Изнеженная, замороженная плоть, и голос такой же замороженный, и смех наверняка такой же. А попробуешь растопить этот лед, ничего, кроме желе, не получится.

Тьфу, гадость какая...

– Вы смотрите на меня, как на жабу, – вдруг сказала женщина и поспешила представиться: – Верещагина... Татьяна Верещагина...

– Степан, – отозвался он неожиданно для самого себя. Сравнение про жабу ему понравилось, наверное, потому и назвал свое имя. – Так что вам от меня нужно, Татьяна?

– Мне нужно... Я хочу предложить вам работу... – Она нервно облизнула безупречной формы губы. – Это не совсем обычная работа. Я даже не знаю, как вам сказать...

– Я не стану спать с вами за деньги, – насмешливо протянул догадливый Степан. – Я не жиголо, дорогая Татьяна.

– Упаси вас господь!!! – испуганно вскинулась она и даже отпрянула, что его, несомненно, задело. – Я не сплю с кем попало! Я... вообще сейчас ни с кем не сплю.

Неудивительно, чуть не фыркнул он. Такая вся заледеневшая, что уличать ее в непотребном сексе на рабочем столе в каком-нибудь офисе было бы большой неосторожностью.

Вслух же он произнес:

– Так что вы от меня хотели?

– Я хотела бы, чтобы вы... – она снова затеребила языком свои губы, – чтобы вы сыграли роль моего любовника.

– Что?.. Роль?.. Как это?.. – Это походило на небольшое приключение, и Степан заинтересовался.

На задний план уползло его раскаяние, вызванное слезами вчерашней подруги, требующей от него любви и верности. И чувство собственной неполноценности притупилось.

– Понимаете, мой муж, он... он ушел, – проблеяла Татьяна, готовая расплакаться.

– Понимаю, – осторожно вставил Степан, а про себя добавил: «Ох как я его понимаю». – И что же?

– Я еще на что-то надеялась, понимаете, ждала... Прошло уже почти десять месяцев. А тут пару дней назад я встретила его... с другой женщиной. – Татьяна потупилась, с преувеличенным вниманием разглядывая свои ногти. – Теперь я хочу, чтобы и он меня увидел с женщиной.

– Вы хотите заставить его ревновать? – догадался Степан.

– Нет. Я хочу просто вернуть его, – пояснила Татьяна и подняла на него глаза.

Злые, холодные и безжалостные.

Не вернется, решил для себя Степан, пожившись под ее взглядом. Ему стало так неуютно, будто в лицо ему плеснули ртутью.

Не вернется ни за что ее муж. От таких если уходят, то уходят навсегда. Возвращаться – дело гиблое. Запилит до смерти. Запилит или будет с утра до ночи морозить своими ледяными глазами.

Бр-рр...

– Суть вашей работы будет в следующем. – Она помолчала немного, собираясь с мыслями, потом ошаршила его: – Вы должны будете появляться со мной в обществе раз в неделю.

– Это в каком таком обществе? – сразу насторожился Степан.

Общество белых воротничков и манишек он презирал и никогда туда не стремился.

– В том, где появляется мой муж. Кинотеатр, театр, ресторан, какие-нибудь презентации. Я стану оповещать вас заранее, чтобы вы позаботились о соответствующем туалете. У вас есть что надеть?

И тут она так взглянула на него, что Степан мгновенно почувствовал себя бедным родственником на ее празднике денег и роскоши. И он завелся. Вернее, повелся, как сказал ему впоследствии Кирюха.

– Да уж оденусь, не переживайте! – фыркнул он. – А где это вы вычитали, ну, что можно вот так снять мужика на вечер за деньги?

– Вычитала. – Татьяна оскорбленно дернула подбородком.

Не признаваться же этому грубому мужлану, что и в самом деле отыскала идею в одном из дамских романов, которые прилежно поставляла ей Светка, дабы скрасить ее пустые одинокие вечера. Там, правда, дело с наемным сопровождающим едва не закончилось трагически. Но Татьяна была уверена, что у нее все будет по-другому. Она же гораздо серьезнее и умнее той взбалмошной книжной героини...

– А с чего вы решили, что я нуждаюсь в работе? – вдруг спросил Степан, спохватившись. – Не просто же так вы подсели ко мне. Наверное, наблюдали какое-то время.

– Наблюдала. – Она кивнула, и белоснежное крыло волос сползло ей на лицо. – Наблюдала и сделала несколько выводов.

– Каких же? – Ему вдруг и правда сделалось интересно, и плаксивая вчерашняя подружка напрочь вылетела у него из головы.

– На вас дорогая одежда, но она изрядно поношена. Это значит, что раньше вы меньше нуждались в средствах, чем сейчас. У вас под ногтями слой грязи, значит, и условия жизни уже не те, но вы по привычке ходите в это кафе, и с удовольствием, хотя оно достаточно дорогое. Вам нравится, как здесь готовят? – Она улыбнулась, странно, по-кукольному растянув губы в стороны.

– Нравится, – нелюбезно буркнул Степан и полез за сигаретами. Подобная оценка его снова уязвила.

Вот никогда бы не подумал, что может подвергнуться такому анализу со стороны и его внешний вид, и состояние ногтей, и даже состояние его аппетита. Забежал же на минуту, еле оторвавшись от собственной машины, которую никогда не доверял наемным слесарям, а всегда по привычке копался в ней сам. Забежал на минуту и тут же подвергся пристальному вниманию. Никак не расслабиться...

– Мне тоже нравится, как здесь готовят, – примирительно проговорила Верещагина, догадавшись, что задела его за живое. – Я хорошо буду вам платить. Транспортные расходы будут оплачиваться дополнительно. Вы согласны?

Он подумал. Вернее, сделал вид, что думает. На самом-то деле давно решил, что пошлет ее куда подальше. Платить она ему будет, твою мать!.. Он и сам бы ей заплатил, к примеру, за то, чтобы разделась. Дотрагиваться до нее – боже упаси, а вот просто поглазеть!..

– Сколько вы намерены мне платить? – вдруг брякнул он совсем не то, о чем думал.

– Каждый наш выход в свет – тысяча рублей, – ответила Верещагина и, заметив, как недовольно дернулись его брови, исправилась: – Две! Две тысячи рублей! К тому же приятное общество, сытный ужин, выпивка плюс транспортные расходы. Все это за мой счет!

Он едва не расхохотался ей в лицо, но сдержался. Лицо это было абсолютно и безнадежно несчастным. Он не стал смеяться, жалея ее, и снова не к месту поинтересовался:

– А почему я? Разве то общество, в которое вы меня желаете ввести, подразумевает грязные ногти?

– Простите меня ради бога! – виновато воскликнула Татьяна и едва не расплакалась, часто-часто заморгав. – Я не хотела вас обидеть. Совсем не хотела!

– Ладно, проехали, – буркнул он, не желая видеть ее слез настолько же сильно, насколько не желал видеть и ее саму. – Итак, почему я?

– Вы... Вы тот тип мужчины, на который я никогда бы прежде не обратила внимания. Вы грубый, необузданный, и еще это... – Ее бледные щеки мгновенно загорелись. – Вы чрезвычайно сексуальны. Это очевидно. Санечка это не пропустит. Он знает мой вкус, знает мой уровень, он взбесится. Начнет думать, что я... превратилась в распутную девку, которой может нравиться такой мужчина, как вы...

«Сука!!!» – скрипнул зубами Степан. Холодная, безжалостная сука! Препарирует его как лягушку и, кажется, даже не догадывается о том, что унижает его. Ах да! О чем это он?! Как можно обидеть необузданного, грубого и, ох, простите, чрезвычайно сексуального?! Он уже природой обижен. Он же грубый, не их вкуса и не их уровня. И нужно очень низко пасть, чтобы такой вот мог понравиться. О-оо-х и сука...

– А вы не распутны, Танечка? – Степан нарочно перегнулся к ней через стол, с силой схватил ее нежную бледную лапку с нежно-розовыми коготками и с той самой хрипотцой в голосе, что мгновенно укладывала девок на обе лопатки, спросил: – А вдруг вы захотите иметь со мной секс, дорогая? Грубый, необузданный, с криками, стонами, а? Вдруг?! Вы стонете, когда кончаете, Танечка?! Наше трудовое соглашение подразумевает подобное откровение. Вдруг ваш муж меня захочет проверить, а я проколюсь на каких-то мелочах. Так как, стонете, когда кончаете?

Он распял ее уже одним тем, что дотронулся до ее руки. А уж эти его вопросики были еще парочкой гвоздей в ее изнеженную холеную плоть. Она была в ужасе, он это видел. Сидела, остолбенев, и смотрела на него остановившимися глазами.

– Что кончаю? – вдруг спросила она с глупой нервной улыбкой. – Вы имеете в виду оргазм? Да?

– Его, его я имею в виду, – закивал Степан, всюю ощупывая ее взглядом. – Так как, стонете?

– Нет.

– Что так? Разве ваш, как его там...

– Санечка, – подсказала раскрасневшаяся Верещагина.

– Ваш Санечка вас не удовлетворял?

– Нет, все было в порядке, – невнятно ответила она, наверняка не имея истинного представления о том, как это должно быть в порядке. – Просто... Просто Иришка спала в соседней комнате. Она очень чуткая... Приходилось осторожничать.

Она готова была провалиться сквозь землю под его насмешливым цепким взглядом, что моментально содрал с нее всю одежду. Провалиться и никогда больше не ступать по земле. Но... Но отступить было поздно. Если решилась, проворочавшись две ночи без сна, чего же теперь – отступить?

– Ага! Так значит... Ну, ну... – Степан отлепил свои пальцы от ее руки и откинулся на спинку стула. Помолчал какое-то время, глядя на нее тяжело и недобро, а потом спросил: – Вы хоть понимаете, что уже низко пали?

– Как это? – Ее голубые глаза снова наполнились слезами, сделавшись похожими на две огромные тронутые солнцем льдинки. – Почему?

– Потому что, черт побери, вы делаете непристойное предложение совершенно незнакомому мужчине! – фыркнул Степан и полез в карман за бумажником, пора было расплачиваться и кончать этот фарс. – А если я вор! Или маньяк! Или... Да мало ли кем я могу быть?! Кто надоумил вас, хотел бы я знать! Извините, но вы просто дура!

– П-п-простите, ради бога. – Верещагина позволила двум крохотным слезинкам скатиться по щекам и тут же поспешила улыбнуться. – Это и в самом деле была глупая затея. Простите.

Она чрезмерно грациозно поднялась из-за стола, не потому, что хотела произвести впечатление, а просто потому, что по-другому не умела, Степан был в этом уверен. И не менее грациозно поплыла по залу к выходу.

Очень высокая. Очень красивая. Очень гордая. И очень несчастная.

Мужчины оглядывались ей вслед. Потом переводили взгляд на Степана и тут же непонимающе хмыкали. По их понятиям, упускать такую шикарную женщину было большой ошибкой. Они даже не подозревали, глупцы, что попытаться ее удерживать было ошибкой куда более серьезной.

Пускай катится, решил он тогда для себя. Быстро расплатился по счету, взял с соседнего стула барсетку и через пару минут уже усаживался в свой любимый, выхоленный «Фольксваген».

Когда же он снова наткнулся на нее взглядом? Так, так, так... Дал бы бог памяти...

Нет, когда выезжал со стоянки, он ее еще не видел. Как оказалось впоследствии, она копалась с замком багажника своей пижонистой «Мазды» и не смотрела по сторонам.

А вот когда?.. Точно! Вспомнил! Она попросила помощи у какого-то хмыря, что отирался неподалеку, и начала смотреть на него так же, как только что смотрела на него: оценивающе и примеряя на себя. Вот тогда-то она и попала в обзор зеркала его машины.

Степан тогда, помнится, притормозил и понаблюдал.

Кажется, Татьяна Верещагина и не думала отказываться от своей глупой затеи. Интересно, что это за парень? Очередная жертва? По всей видимости, так оно и было. Верещагина глядела на собеседника холодно, с плохо скрываемым расчетом и что-то говорила и говорила ему, едва шевеля губами. А парень... Парень, кажется, оказался более сговорчивым. Он то и дело согласно кивал, призывно улыбался и косился на ее машину.

Вот ведь дура! Степан разозлился на нее тогда смертельно. Просто сам не знал, как удержался и не вылез из машины и не начал трясти эту холодную, белобрысую куклу. Сдержался, наверное, потому что был трезвый. Вот если бы чуть принял в кафе, то построил бы ее непременно. А вместо этого...

Вместо этого Степан опустил стекло своей машины. Посигналил пару раз и, не дождав-шись внимания с ее стороны, гаркнул на всю стоянку:

– Танька! Верещагина! А ну иди сюда!

Ее собеседник от его рева вздрогнул, как от пушечного выстрела. Вжал голову в плечи и бочком, бочком растворился за пузатыми иномарками. Верещагина оторопело вертела головой по сторонам и не знала, что ей предпринять. Бежать, догонять несостоявшегося кавалера было глупо. Идти на зов, прозвучавший в столь грубой форме... Она пошла. Быстренько так, виновато.

– Вы мне? – проговорила она с достоинством, когда подошла к его «фольцу».

– А здесь есть еще Верещагина Татьяна? Или то, что от тебя сейчас с такой прытью упрыгало, она и есть? – Он просто сочился сарказмом и не думал этого скрывать.

Глупая несчастная баба раздражала его своей наивностью и неподготовленностью ко всякого рода подлостям. Сначала одного снимает в кафе. Потом ко второму пристраивается. Чего ищет? Приключений на свою аккуратную попку? Так найдет, сомневаться не стоит. Желающих избавить ее от одиночества, а также от содержимого кошелька, а то и квартиры, пруд пруди. Только что она вынесет из всего этого, кроме глупого пустого удовлетворения, что вот, мол: мы квиты, как там его – Васенька или Сашенька...

– Как вы можете?! – ахнула Верещагина, когда он, не церемонясь особо в выражениях, обрисовал ей возможный стопроцентный финал ее авантюрной затеи. – Как вы можете разговаривать со мной в таком тоне?!

– Я, дорогая Татьяна Верещагина, еще и не то могу! – ухмыльнулся Степан и сердито от нее отвернулся.

Он почему-то был уверен, что она не уйдет, а останется стоять возле его машины и будет ждать, что он ей скажет дальше. Грубым ей это покажется или не очень, но она обязана выслушать, раз он ее окликнул и попросил подойти. Ну, может, не попросил, а потребовал. Скорее, даже приказал, ну да это не важно. Ждать она все равно будет.

Степан зло барабанил пальцами по баранке руля, с неудовольствием отмечая, что ногти чудодейственным разрекламированным средством и в самом деле не отмылись. Хотя и щеткой их шкрябал, и намыливал с десяток раз. Потом, проклиная себя за глупую мягкость, вызванную наверняка вчерашними слезами неудовлетворенной барышни, он достал из внутреннего кармана куртки свою визитку. Сунул ее в тонкие пальцы Верещагиной и буркнул:

– Звони.

Она среагировала молниеносно. Ахнула. Вздохнула. Взметнула своей бесцветной блестящей гривой и кротко поинтересовалась:

– А когда? Когда звонить, Степан?

Он с силой выдохнул воздух, следом с силой его хватанул, чтобы не дай бог снова не выругаться. И почти... почти вежливо проскрипел:

– А как на работу нужно будет выходить, так и звони, работодательница, елки!

И все. Он уехал. Сорвался потом к Кириухе на дачу. Они там гудели два дня. Жрали пиво ведрами, заедали рыбой, жареным мясом и ржали над глупой затеей глупой несчастной бабы.

С понедельника нахлынула масса заказов, все нужные, ни от одного не отвертеться. Они с Кирюхой метались, как ужи под вилами. Орали, потели, матерились, напрягались из последних сил, но что-то как-то выравнивали. Вечерами отрывались в любимом баре на набережной. Ночами... Ночами ему было хорошо и совсем не хлопотно. Короче, про Верещагину Степан забыл, и когда она позвонила, очень долго вспоминал, почему он должен был ехать куда-то вечером, причем в самом лучшем своем костюме да еще при галстукке. Вспомнив, поскуучнел и тут же принялся названивать Кирюхе.

– Ладно тебе, Степаша! – заржал друган во все горло. – Съезди, оторвись, поприкалывайся. Потом расскажешь. А то глядишь, удастся и под корсаж принцессе проникнуть.

Не удалось. Да он и не пытался. Сидел на каком-то непонятном ему концерте прославленного пианиста или виолончелиста, точно даже не запомнил. Проклинал свою гребаную мягкотелость, сыгравшую с ним такую злую шутку, и почти не смотрел в сторону Верещагиной. А все больше тарачился на спутницу этого, как его там... Ванечки или Санечки.

Спутница была то, что надо. Из этих самых – задурелых телок, так обожаемых им и его другом Кирюхой. Это Степан вычислил мгновенно, по тому как она взглянула на него сквозь ресницы, как затрепетала ноздрями и как тут же принялась поправлять длинные волосы, рассыпанные по плечам.

– Вероника, – пропела она томно, знакомясь с Татьяной и Степаном, дождалась ответного приветствия и продолжила солировать: – Мне очень приятно, знаете! Шурик мне так много о вас рассказывал.

О ком конкретно рассказывал ей Шурик, она не уточнила, но косила в сторону Степана со знанием дела. Шурик, или по версии Верещагиной – Санечка, игривость ее взглядов молниеносно уловил, занервничал, задержался, скупко поговорил с супругой о дочери и поспешил смыться. В их сторону он больше даже и не взглянул, зато Татьяна с него глаз не сводила. Вздыхала тяжело и протяжно каждые три минуты и, кажется, совсем забыла, зачем и с кем она здесь.

Степан еле дожид до последнего аккорда, тут же заторопился убраться в туалет, а когда вернулся, застал в фойе душещипательную сцену.

Верещагина говорила со своим бывшим мужем и даже немного позволила себе поплакать.

– Как ты мог?! – громким шепотом восклицала она, хватая его за рукав дешевого пиджака. – Как ты мог променять меня на эту шлюху?! Посмотри, на кого ты стал похож!!!

– Я, Танюша, наконец-то стал самим собой! – воскликнул ее бывший супруг без тени сожаления. – И кофе мне по утрам в постель подают, так что сахар мне рассыпать не приходится. А что касается твоей характеристики моей женщины, то...

Степану пришлось вывернуть из-за угла, дабы не быть уличенным в том, что он подслушивает. Он вышел и вальяжной походкой пошел в их сторону. При этом он излишне плотоядно косил на декольте своей спутницы и даже несколько раз позволил себе облизнуться. Может, и лишним это было, но что-то понесло его в тот момент.

– О твоём спутнике тогда и вообще говорить нечего, – закончил Санечка с кислой улыбкой.

Верещагина промолчала. Взгляды Степана, шарившие у нее за пазухой, она уловила и стояла теперь, одеревенело сведя руки на груди. Видимо, стеснялась.

Это не могло его не взбесить. Сама же навязалась, платит ему, причем вперед. Чего же теперь стесняться?

И вот тогда он решил отработать свои деньги сполна.

– Воркуете, голубки? – Он глупо хихикнул, подойдя к Татьяне со спины. – Ну что, мы идем, киска?

У Санечки вытянулось лицо до размеров лошадиного профиля. У Татьяны покрылись мурашками и плечи, и руки.

– Д-да-а, наверное, нам пора, – с трудом выдавила она из себя и сделала робкий шаг вперед, так как Степан слишком близко подошел к ней и дышал ей в шею горячо и шумно. – Всего доброго, Санечка. Звони. Скажи Иришке, чтобы не забывала мать и...

Закончить она не успела, вернее, не смогла, мгновенно лишившись дара речи. Степан, которому эта хрень, начиная с концерта и заканчивая прощальными соплями разбежавшихся супругов, изрядно надоела, сделал следующее. Он вдруг обнял ее крепко и с силой привлек к себе. При этом руки свои он хозяйски расположил прямо у нее на груди, а губам нашел другое применение. Он начал осторожненько и вдохновенно водить своими губами прямо по ее тоненькой шейке в крупных мурашках.

– Ум-м, сладенькая... – промычал он, хотя совсем не чувствовал ее вкуса и запаха, дикое бешенство затопило все. – А кто у нас Иришка, уу-мм? Это кто у нас такой еще?

– Это, молодой человек, наша с Таней дочь! – вдруг взвизгнул бывший, а Верещагина лишь кивнула. – И попрошу!.. Попрошу вести себя!..

Его изрядно поредевшие кудряшки липли к потному лбу и щекам. Он пытался их смахнуть подрагивающими пальцами и делал это неловко и нелепо. Он чувствовал это и злился еще больше. Кончилось тем, что Санечка сунул крепко сжатые кулаки в карманы пиджака и, презрительно скривив все еще по-юношески пухлый рот, обронил:

– Вот уж никогда не подумал бы, что ты, Танюша, сможешь клюнуть на такого плохого парня!

Верещагина звучно сглотнула и с отчетливой хрипотцой в голосе обронила:

– Один-один, Санечка.

– Что?! – Ее бывший муж запрокинул голову и рассмеялся зло и неприятно. – Хочешь сказать, что это можно сравнить с моей Вероникой?! Если твой выбор обусловлен исключительно такими мотивами, то ты проиграла.

Еще минута-другая – и Степан дал бы ему в морду. Точно дал бы. Ситуацию, как ни странно, спасла Вероника.

– Че за базар? – пропела она откуда-то со спины и тут же затянула капризно: – Шу-урик! Какого черта я жду тебя в такси уже миллион лет?! Мы едем домой или нет?!

Они, конечно же, уехали. Шумно уезжали, с сюсюканьем, похлопыванием по попке и неизменными поцелуйчиками. Все это Степан с Верещагиной наблюдали, усаживаясь в ее «Мазду».

– Клоунесса! – фыркала Татьяна, злилась и никак не могла вырлиться со стоянки. – Шлюха и клоунесса! Как он может водить ее в свой дом?! Там же Иришка!

Степан молчал. Он так вымотался за этот вечер, что уже сотню раз пожалел, что согласился на эту дурацкую «работу». Думал, развлечется, а вышло как раз наоборот. Психовал, раздражался и отчаянно хотел домой.

– Вот ваши деньги, – затеребила сумочку Верещагина, подвозя его к его дому.

– Так вы же мне уже заплатили, – сонно отозвался Степан, езды было двадцать минут, и его успело укачать.

– Это за то... что вам пришлось импровизировать, – выдавила она из себя через силу. – Только больше никогда этого не делайте. Пожалуйста!

– Да ладно, без проблем. – Он потянулся с хрустом и без лишних угрызений совести взял у нее еще тысячу. – Не очень-то и хотелось.

– Ага! Вот и ладно! – Кажется, она этому обрадовалась. – Ну, до следующей встречи...

Потом были еще концерты. Пара выставок. Три ужина в ресторане и еще какая-то вечеринка, на которой Степан напился и добросовестно проспал весь вечер в углу дивана.

– Зачем мне это, Кирюха?! – восклицал он всякий раз, когда его настигал очередной звонок Верещагиной.

– Это тебе, Степаша, в наказание за все твои грехи, – издевательски хихикал Кирюха. – Искушение!

Может, и так, но никто не договаривался, чтобы это самое искушение настигло его в субботу в восемь часов утра. Удумала тоже...

Степан поднялся и с крихтением потянулся. Затем замотал головой из стороны в сторону. Болевых симптомов не было, и слава богу! Аспирин, как всегда, помог.

Больше никаких пьянок, решил он, разглядывая свое отражение в зеркале, перед тем как залезть в душ. Никаких пьянок и случайных половых связей. Нужно как-то подпортить свою незапятнанную браком репутацию, наверное. Вон и Ираида Васильевна настаивает. Найти себе какую-нибудь разведенку лет двадцати пяти, можно и с ребенком. И шастать к ней вечерами, и в ожидании, пока малыш уснет, сидеть на кухне, шуршать газетой, попивать душистый черный чай, можно кофе – не принципиально. А потом...

Не катит ни черта!

Степан пустил мощную струю прохладной воды. Думаться сразу стало проще и позитивнее.

Никаких разведенков! Никаких детей! Ему своих-то не хочется, а тут чужой. И чего ради?! Ради секса, который он и так может иметь в любой подворотне.

Вот до чего похмелье может довести. Похмелье да еще эта Верещагина.

Степан намылил голову и полез на полочку за зубной щеткой.

Чего-то у нее наверняка случилось, раз позвонила так рано и при этом хлопала носом. Может, ночь не спала и, едва дождавшись утра, принялась ему названивать. С чего бы это? «Мне, – говорит, – надо с тобой встретиться», – и заревела. Вот ведь выдалось утречко...

Он фыркал и плескался. Чистил зубы, брился, потом споласкивал с себя пену и снова фыркал. В желудке перестало все трепетать и переворачиваться, пропала горечь, и голова прояснилась. Только вот мысли о Верещагиной не хотели покидать. Связался же на свою голову!

И чего она так рано?! Обычно все происходило совсем не так. Она звонила дня за два. Оговаривала час, место и то, как он должен быть одет. Оговаривала все сухим и казенным, как скрип снега под ногами, голосом. А сегодня... А сегодня сразу же потребовала встречи, и опять же эти слезы.

А может, она влюбилась?! Степан едва не присел от подобных мыслей, посетивших его так некстати. А что?! Разве такое невозможно? Вполне. Тем более что в последний раз он снова целовал ее, но теперь уже по заказу.

Вероника с Санечкой окончательно распоясались и принялись лапать друг друга прямо в музее. Тогда и Татьяна потребовала ее поцеловать. Он и поцеловал. Что ему? Убудет, что ли? Поцеловал и посмотрел потом ей прямо в глаза с усмешкой. Он знал, что это срабатывает беспроегрышно. Надо же, не сработало. Татьяна не зарделась от смущения, не попыталась отвести взгляд и не понесла вздор, какой обычно несут его девчонки без принципов. Она вытаращилась на него изумленно и вдруг спросила:

– А что это такое ты сейчас делаешь своим языком?!

– ??? – Он даже не нашелся, что ответить.

– Вот так? – И она вытащила кончик своего розового, будто зефир, язычка и поводила им из стороны в сторону. – Это так принято, что ли? Это какой-то не такой поцелуй, который я знаю!

– Не понравилось? – буркнул он недовольно, все всегда с ней было не так.

– Не знаю, я об этом не думала, просто стало интересно: так разве бывает? Разве так правильно?

С ней еще и не такое может быть, думал теперь Степан, в бешенстве растираясь полотенцем. Звонит вон чуть свет, плачет, а ты думай, что хочешь. Не нужно, наверное, было трубку бросать. Нужно было выслушать хотя бы. Может, и правда влюбилась и мучается теперь.

Он обмотал бедра полотенцем и босиком пошел прямо на кухню.

Где-то там среди пакетиков со специями Ираида Васильевна хранила листок бумаги с номером телефона Верещагиной. Он его принципиально не желал знать. А вот Ираида Васильевна, однажды увидев их вместе, возжелала иметь ее номер. Он уважил. Теперь вот надо было этот самый листок отыскать.

Степан вывалил на стол из большой жестяной коробки все имеющиеся там мешочки и пакетики и принялся рыться в огромной пахучей куче, то и дело почесывая нос и изо всех сил борясь с чиханием.

Звонок в дверь настиг его в тот самый момент, когда он уже набирал номер Верещагиной.

– Да что за черт?! – вспыхнул Степан, бросая трубку обратно на аппарат и нашаривая взглядом часы. – Что сегодня с утра всем от меня нужно?!

Кирюха прийти не мог – это однозначно. У того похмелье протекало еще более мучительно, и без трехлитровой банки с рассолом дело не обходилось. К тому же из бара он напрямиком направился к Нюсе, а это могло значить...

– Все, Степа, друг! – Это все же был Кирюха. – Развожусь! Сил моих больше нет! Нет, ты послушай, прихожу к ней, как к человеку, как к своей будущей жене, можно сказать, а она!..

– А она? – Степан посторонился, пропуская своего друга с разбитыми вдрызг мечтами в свою квартиру.

– А она мне!.. Эта моль!.. Эта... эта слякоть, дрянь... Иди, говорит, проспись, дорогой! И чтобы я тебя больше никогда в таком состоянии рядом с собой не видела! Прикинь!!! – Кирюха стащил с ног кроссовки и с третьей попытки повесил на крюк вешалки кожаную куртку. – Говорю ей, ты че, Нюся, офигела?! Я муж тебе без пяти минут! Я муж тебе или нет?! Муж, говорю, или нет?! Ты меня должна в любое время в любом состоянии, а ты мне...

На Кирюху было жалко смотреть. С глубокого перепоя, с растрепанными волосами, которые он обычно убирал в хвост, а теперь поленился. С красными от бессонной ночи и пьяных слез глазами. И с разбитыми надеждами.

– Нет, ты понял, друг?! Понял?! – всхлипнул бедный Кирюха и повалился на спину на диван в гостиной.

– Понял, – кротко отвечал Степан, пристраиваясь в кресло напротив.

– Что ты понял?! Ну, вот что ты понял, скажи?! – возопил его друг, приподнимаясь на локтях и зло сверля его глазами. – Что понял, говори, или я...

– Я понял, что свадьбы не будет, – снова покорно ответил Степан и через минуту заржал в полный голос. – Кирюха!.. Это, блин, вообще, прикол!!! Эта серая порточная моль тебя выгнала!!! Это атас полнейший!!! Как же она теперь-то?! С кем же?.. Елки-палки, кто же на нее теперь-то...

– Да ну тебя, – кажется, обиделся друг и снова упал на диванные подушки, а потом вдруг: – Выпить нету?

– Выпить-то всегда есть, но надо ли? – Степан старался никогда не похмеляться, потому что знал: похмелье плавно перетечет в очередную попойку, и тогда все. – Нам с тобой сегодня в гараж надо. Кое-что подбить...

– Кое-кому морду набить, – отозвался Кирилл. – Валерка опять с ремнем генератора вчера не справился. Уволю я его, как хочешь, уволю.

– Увольняй, друг. Я не против. Нет работника, и этот не работник. У меня есть паренек на примете. Руки золотые, просто Кулибин и...

В дверь снова позвонили.

– Кто это?! – Кирилл подскочил на диване, глаза его заметались. – Если это за мной, то меня здесь нет! Не хочу никого видеть! Маман теперь выть начнет, батя косорылиться... Вот, блин, жизнь, а?! Меня здесь нет, Степка!!!

Степан встал с кресла и пару минут разглядывал себя. Выходить или нет в полотенце? Может, лучше все же одеться? Нет, одеваться он не станет. Вдруг это и правда Нюся. Он ее не пустит. И совет, что не один, а с женщиной. И что он вообще только что после секса и после душа. И делать ей в его квартире нечего абсолютно. Если не дура, поймет и уберется. И для Кирюхиных родителей это полотенце станет хорошим шлагбаумом. Те так вообще люди деликатные, даже порога не переступят.

К двери он подходил очень даже недоброжелательно настроенным. Не торопясь, шмыгнул замком, медленно потянул на себя дверь и в следующую минуту остолбенел.

На пороге стояла заплаканная Верещагина. И была она не одна, а с чемоданом. И, судя по ее решительному шажку вперед, оставлять его в покое на сегодня она не собиралась.

– Привет, – хрипло поздоровалась она еще раз и, не обращая внимания на то, что он совершенно не одет, вошла в квартиру. – Прости, что без приглашения да еще с вещами.

– Угу... – только и нашелся он что ответить и неожиданно застеснялся и своих босых ступней, и волосатого пупка, и мокрой шевелюры. – Ты это... Уезжать, что ли, собралась?

– Не-а, не уезжать. Переезжать. И переезжаю я, если ты еще не догадался, к тебе. Комнату сдашь?

– Что? – Он вытаращился на свою непрошеную гостью и даже, кажется, отступил на шаг. – Ты чего несешь?

– Я поживу у тебя, хорошо? – Самоуверенность, которая ей очень дорогого стоила и которую она в течение часа тренировала, отираясь у его подъезда, постепенно пошла на убыль, снова забрезжили близкие слезы, и Татьяна заторопилась: – Я заплачу тебе! Ты не думай...

– Нет, это ты не думай! – взвыл Степан, которому только теперь стал понятен истинный смысл ее визита.

Пожить? У него? А как же... Как же его личная жизнь?! Его девчонки?! Как он станет приводить в дом подружек на ночь, когда тут будет отираться эта... эта принцесса?!

– Я не стану мешать твоей личной жизни! – воскликнула она, будто догадалась, о чем он сейчас думает. – Я буду сидеть в самой дальней комнате тихо-тихо, как мышка! Ну, пожалуйста!!!

– Во-первых, я ненавижу грызунов! – взревел Степан и взъерошил гладко зачесанные назад волосы. – Во-вторых... Во-вторых, ты не можешь не мешать уже одним тем, что будешь где-то там сидеть, затаившись! Мало ли что нам взбредет в голову?! Может, мы станем голышом скакать по квартире или...

– Я переживу, – продолжала умолять Верещагина, топчась у порога и ни в какую не желая уходить. – Сейчас же ты почти голый, и ничего. Меня совершенно не интересует твое обнаженное тело! Честно!!!

Врала без зазрения совести.

Такое тело не могло не интересовать, тут же подумалось Татьяне воровато. Хотя бы потому, что оно совершенно не было похоже ни на одно из тех, что ей прежде доводилось видеть.

У Санечки торс был рыхловатым и абсолютно лишенным растительности. Кожа белая с редким вкраплением веснушек. Мышечная масса, приобретенная в юности на разгрузке вагонов, была безжалостно погребена экономической практикой и сытой беззаботной жизнью. Что касается других...

Их просто не было. Хотя Светка и пыталась обвешать ее ухажерами, и зазывала холостяков к себе на дачу, и кружили они вокруг Татьяны подобно мотылькам. Но ни один не пленил ее. Ни один. Да и были они все старше ее лет на пять, а то и на десять, а это уже прилично за сорок. Какие тут, к чертям собачьим, торсы и мышцы? Все ушло с годами и пивом, потребляемым декалитрами, в округлые животы и мягкие валики над воротниками и ремнями штанов. Ей это было противно.

Со Степаном дело обстояло не так. Он был неприличным, «плохим» парнем от кончиков пальцев на сильных волосатых ногах до всклоченной макушки. Широкие крепкие плечи. Непотребно плоский живот. Ну, просто непотребно плоский. И еще эти волосы, убегающие тонкой струйкой под край полотенца... А загар! Где так можно было загореть, если он утверждал, что ни шагу этим летом не сделал из города?

Нет, пожалуй, она погорячилась, сказав, что спокойно переживет, если он с какой-нибудь шлюшкой станет голышом скакать по квартире. Погорячилась однозначно. Но отступать некуда, уходить тоже, приходилось врать напрапалую.

А Степан разозлился.

Подумаешь, принцесса! Тело его ее совершенно не интересует, скажите, какие мы разборчивые! Жить она к нему пришла...

Что, что?..

– Слушай, у меня сегодня выходной, – начал он, нервничая уже от одного того, что она стоит сейчас в его прихожей; а тут еще Кирюха вздумал подглядывать. – Болит голова после вчерашнего. Я не могу адекватно реагировать на такие вот изменения в своей личной жизни... Так что...

– Так что? – Ее голубые зареванные глазищи смотрели на него с мольбой.

– Так что проваливай!!! – заорал он вдруг и ухватил ее за рукав легкой курточки. – У меня нет желания с тобой возиться еще и по выходным!!! Уходи!!!

Такого конфуза с ней не случилось с момента сватовства Санечки. Чтобы ее так прилюдно оскорбили, растоптали, а потом еще выставили! Почему прилюдно? Да потому что она уловила движение за дверью гостиной. И тень чью-то заметила, и шумное дыхание услышала. Кто-то наблюдал за тем, как Степан вышвыривает ее из собственного дома. Это было очень унижительно. И в любое другое время Татьяна Верещагина даже головы бы не повернула в сторону этого хама, но сейчас...

– Пусти меня, скотина! – вдруг заорала она так, как никогда в жизни не позволяла себе орать; резким движением высвободила из его пальцев свой рукав, тряхнула головой и, чуть понизив голос, командно отчеканила: – Я никуда отсюда не уйду, понял, ты?! Если уж мне пришлось пересечь рубеж, опустившись столь низко, то отсюда ты вынесешь меня только вперед ногами!

– С удовольствием! – снова заорал Степан так же громко.

Тут же подхватил ее на руки, подивившись ее легкости. Такая высокая и достаточно округлая, а легкая.

– Вынесу вперед ногами, как и заказывали, госпожа Верещагина! – Степан сделал шаг к двери и, крепко удерживая ее одной рукой под коленки, а второй за талию, попытался отпереть замок. – Как и заказывали, мать вашу!

И вот тут Верещагина совершила самую большую ошибку в своей жизни, как потом неоднократно ему признавалась.

Она обняла его за шею. Прижалась к его пылающему лицу прохладной щекой и быстро-быстро зашептала:

– Степочка, миленький, не выбрасывай меня на улицу, ну, пожалуйста! Мне некуда больше идти!.. У меня никого больше нет, кроме тебя! Так уж сложилось, прости! Я не стану путаться у тебя под ногами, клянусь! Позволь мне остаться, хотя бы на сегодня! Потом я что-нибудь придумаю. Обязательно придумаю!

Замок не хотел открываться. Так приходилось еще и Верещагину держать на руках. А она льнет и льнет, зараза. И еще шепчет. И голос вдруг с чего-то стал такой... Такой обволакивающий. Как у тех девчонок, с которыми он так любил отрываться.

А может, они дурят их всех, мужиков-то?! Может, каждая владеет в совершенстве такими вот штучками, только врет и изворачивается до поры до времени? Ишь, вцепилась!..

Он оставил свои попытки отпереть замок и, выругавшись вполголоса, поставил Верещагину на прежнее место.

– Что уставилась? – зло рявкнул Степан, судорожно поправляя на себе полотенце, которое после возни с этой длинноногой балбесиной поползло вниз. – Что вот мне с этим со всем делать, скажи?!

При этом он тыкал широко растопыренными пальцами то в нее, то в объемистый чемодан, сиротливо притулившийся у стены.

– Что у тебя случилось, а?! С чего вдруг все это?! – Он снова указал на чемодан. – Ну!!! Что там у тебя за проблемы, которые отчего-то вдруг стали моими?! Отвечай!

Господи!!! Господи помилуй, что она делает? Что она делает со своей жизнью и со своим тихим спокойным будущим? Что вообще она делает в квартире этого грубого голого мужика, который ненавидит ее с каждой минутой все острее?! Почему не поехала к Светке? К бывшему мужу? Или, к примеру, к матери?

Ответы, как из рога изобилия, посыпались тут же.

Светка уехала в Турцию. Только вчера звонила оттуда. Довольная, счастливая и наверняка загорелая. Ключи не оставила, забыла. И все сокрушалась, смеясь, что цветочки теперь точно завянут.

Санечка с Вероникой. Ирка в каком-то лагере, даже не оповестила – в каком именно. Жить в квартире с бывшим мужем и его любовницей?! Нет, до такого она еще не дожидается.

Ехать к матери... Нет, лучше умереть!

Оставался только он – ее наемный сопровождающий, играющий роль ее любовника. Который из жалости принял когда-то ее предложение, а теперь от этого и страдал. Она видела и чувствовала это. Особенно остро почувствовала, когда он хотел выбросить ее из квартиры и поднял на руки. И наговорила ему... Она даже с Санечкой никогда таким умоляющим голосом не говорила, а тут надо было так унизиться!..

– У меня проблемы, – тихо обронила Татьяна, потупившись под его ненавидящим взглядом.

– Я понял! Какие проблемы?! Неуплата за коммунальные услуги? И потому тебя хотят выселить? Я угадал? – Степану хотелось говорить зло и непримиримо, но гнев отчего-то начал гаснуть, и закончил он почти миролюбиво: – За что же тебя хотят лишиться жилплощади, уважаемая Татьяна Верещагина?

– Меня не выселить хотят, – проговорила она с заметной хрипотцой в голосе, это снова было от волнения. – Меня хотят убить!

За дверью тихо присвистнул Кирюха. Степан услышал это и снова взбесился. Друг, значит, по достоинству оценил глобальность его неприятностей и не постеснялся подать голос. Наверняка ночное объяснение с Нюсей показалось тому теперь детскими играшками.

Во что он влип, интересно, по вине этой цыпочки?! Убить! Убить?! Да кто, господи?! Мастер стройцеха с той фирмы, где она трудится? Или маляр, которому она не подписала заявление на отпуск?! Или, может быть, ее соперница? Так Татьяна ей не конкурент. Санечка ее так тискал на последней презентации, что даже Степану за него сделалось неловко, а он далеко не моралист.

– Так! Стоп! – Он поднял указательный палец правой руки и ткнул им Татьяну в грудь. – Тебя? Хотят? Убить? Я правильно понял? За что?

Он ей не поверил, и Татьяна мгновенно сникла.

Стиснула пальцы, опустила голову и попыталась собраться с мыслями. Хотя бы постараться подумать над тем, что же ей делать дальше, если он повторит свою попытку выставить ее? Она пыталась думать, честно пыталась. Но тут, как назло, взгляд ее с носков собственных туфель переполз на его голые икры. Потом полез выше, еще выше и остановился на том самом месте, которое было несколько ниже края полотенца. И она снова растерялась.

Чертовщина какая-то с этим парнем получалась!

Все буквально у него было не так, как у всех. Ну, насчет всех, допустим, она представление имела достаточно смутное. Но замужем-то была не год и не два! Уж с чем с чем, а с физиологическими особенностями противоположного пола знакома не понаслышке. Чтобы привести в такое вот состояние некоторые фрагменты их тела, требовались необходимые усилия и еще, как это Санечка всегда говорил, приличествующая случаю обстановка. Вот! Обстановка, да еще приличествующая!

Сейчас обстановки не было, усилий с ее стороны тем более, а то, что находилось у Степана под полотенцем, казалось, жило своей собственной самостоятельной жизнью. И это не могло не возмущать и интриговать одновременно.

Ну почему же с ним все не так! Не похоже на то, к чему она давно привыкла, и...

– Чего вытарашилась? – вдруг вклинился в ее совершенно искреннее изумление его сердитый голос. – Дурдом просто какой-то! Просто дом дур, да и только!

И Степан, с силой ударив по двери гостиной растопыренной ладонью, ушел одеваться.

Татьяна с облегчением выдохнула ему в след.

Слава богу! Кажется, он на время оставил свои попытки выгнать ее. Первый раунд она выиграла, хотя и не без потерь. Пришлось нашептывать ему первое, что пришло в голову. А так раньше она не делала никогда. Тщательно обдумывала каждое слово, прежде чем раскрывать рот.

Татьяна, нерешительно потоптавшись в прихожей, скинула туфли. От высоких каблучков ныла вся стопа. Но обувь без каблучков она не носила лет двадцать. Даже домашние туфли были хоть с небольшим, но все же каблукком. Стянула с себя курточку и пристроила ее рядом с чьей-то кожанкой. Одернула тонкий свитерок, оправила юбку и пошла в противоположную от гостиной сторону. Там, по ее расчетам, должна была быть кухня. Она уловила слабое, едва слышное урчание холодильника.

Кухня нашлась. Огромная, стильная и очень чистая. Такая чистая, что казалось, там никогда не готовили, и никто там не обедал и не ужинал, и уж тем более не рассыпал по полу сахар. Если бы не горка пакетиков со специями на большом обеденном столе, ощущение музейной необитаемости было бы полным. Машинально сложив специи обратно в жестяную коробку, Татьяна пристроила ее на нижней полке в одном из шкафов и тут же потянулась к холодильнику. Там наверняка должна была быть выпивка. У такого парня, как Степан, а она его всегда именовала про себя «плохим», вкладывая в это свой особый смысл, выпивка быть должна непременно.

Ассортимент был велик. Татьяна остановилась на коньяке. Достала початую бутылку и, не особо церемонясь, припала к горлышку.

Черт знает до чего докатилась! Сначала снимает мужика за деньги. Потом пристаёт к нему и даже называет Степochкой. Просто бред какой-то!.. Теперь вот коньяк глушит из горла. Так офисные мужики всегда говорят – глушить из горла. Мать в буддистские монахи рванула бы на Тибет, узнай, до чего докатилась ее единственная дочь.

Татьяна так вымоталась, так перенапряглась в борьбе за право отвоевать себе кусочек Степиной территории, что даже не почувствовала вкуса и крепости коньяка. Отпила изрядно, не поморщившись. Убрала бутылку обратно в холодильник и, достав оттуда батон вареной колбасы, принялась кромсать его на бутерброды.

А что такого? Она проголодалась! Он, наверное, тоже. Наверняка еще не завтракал, успев только душ принять.

Но тело у него, конечно... Татьяна мечтательно зажмурилась. А особенно некоторые части его... И как это с ним все неправильно постоянно?! То целуется как-то непривычно странно, теперь вот еще и это... Ладно бы постель была или она в нижнем белье топталась на его пороге, а то ведь запросто так и...

– Здравствуйте, – раздался вдруг совершенно чужой, не Степин, голос. – Как поживаете? Она оглянулась и обнаружила за своей спиной мужчину.

Приблизительно одних лет с хозяином квартиры. Такого же роста. Тонкогубый и скуластый. С растрепанными вьющимися волосами, спрятанными в хвост. С покрасневшими припухшими глазами, в которых плескался сейчас неподдельный интерес, а может, даже и восхищение. Одет он был в джинсы, тонкую водолазку ярчайшего синего цвета (кстати, под глаза) и такие же ярко-синие носки.

– Кирилл, – протянул он ей руку с ухоженными ногтями и обручальным кольцом, почему-то на левом безымянном пальце.

– Татьяна, – проговорила она с набитым ртом, успев откусить от огромного бутерброда с вареной колбасой.

– Очень приятно. – Тонкие губы Кирилла раздвинулись в улыбке, выставив на обозрение великолепнейший набор белоснежных зубов.

– Мне тоже... наверное, – добавила она на всякий случай. – А вы?

– Я друг Степана, – поспешил он пояснить и, заметив ее сморщившийся в размышлениях лоб, рассмеялся. – Мы не голубые, не подумайте. Я просто поругался со своей невестой этой ночью и с утра приперся к нему. А потом вы...

– Приперлись, да? – Татьяна вздохнула, ничего такого подумать об их сексуальной ориентации она и не успела, но словоохотливость Кирилла приятно располагала. – Хотите бутербродов, Кирилл? Я тут хозяйничаю. Степан наверняка рассердится, но куда уж больше. Я и так сегодня все мыслимые пределы переступила. Так что пара ломтиков колбасы вряд ли что способна изменить.

– А давайте бутерброды! – Он потер ладонь о ладонь, сунулся еще раз в холодильник и достал сыра, сервелата и сгущенки. – Мы сейчас еще и кофе сварганим. Вы кофе черный пьете, Танюша? А я вот грешен – люблю со сгущеночкой.

– Я кофе почти не пью, – промямлила она, задвигая ноги глубоко под стол.

Уселась так, чтобы быть подальше от Кирилла. Тот разошелся не на шутку и всякий раз, проносясь мимо нее, нарочно ли или нечаянно касался ее. То по плечу плечом заденет. То локтем по груди. То, поднимая упавший пакетик с наструганным сервелатом, вдруг коснулся, как бы по неосторожности, ее колена.

– Да? А что же вы пьете? – изумился Кирилл, огорченный тем, что Верещагина забаррикадировалась от него обеденным столом. – Кроме коньяка, разумеется?

– Чай. Все больше зеленый. – Она с надеждой поглядывала на дверной проем, дожидаясь Степана, скорее бы уж, что ли, и пришел. Все что-то медлит и медлит.

Степан и в самом деле медлил. Торчал в прихожей и, криво ухмыляясь своему зеркальному отражению, подслушивал, как Кирюха окучивает его незваную гостью.

Верещагина Кирюхе понравилась, невзирая на ее лощеный и неприступный внешний вид. Он промчался мимо него за ней в кухню, выбросив оба больших пальца из кулака и прошептав на ходу: «Супер!». И теперь терся около нее, стопроцентно задевая ее то локтем, то бедром. Этот Кирюхин прикол был ему хорошо известен. Ну-ну, пускай попробует. С этой принцессой он быстро обломается.

Тело, вишь, ей его не понравилось. Скажите, какие мы разборчивые. То же еще...

Степан все стоял и стоял в прихожей, рассеянно рассматривал себя в зеркале и с напряжением вслушивался в то, что происходит сейчас на его кухне.

Как он и предполагал, Верещагина Кирюхины штучки-дрючки быстро раскусила и поспешила укрыться за столом. Но это друга не сломило, и он жужжал огромным шмелем вокруг нее, и то и дело понижал голос до интимного журчания, и похохатывал, похохатывал. О чем Кирюха, интересно, с ней может разговаривать? Вот он лично с ней парой фраз порой за вечер не обменивался, когда они пасли ее Санечку с любовницей.

– Да что вы, Танечка? – совершенно фальшиво изумился чему-то Кирилл и загромыхал сковородками. – Никогда не пробовали обжаренные в кляре крабовые палочки? Так я вас сейчас угощу.

Ага! Уже Танечка!

Степан вдруг нахмурился, обнаружив неприятный просвет на затылке. Неужели лысеет?! Черт! А что, может, и лысеет. Отец, мать рассказывала, был с изрядными залысинами, дядька тоже. Не хотелось бы так рано-то...

Танечка, значит, ну-ну! И кормить ее собрался, во дает, а! Слыхала бы его сейчас его Нюся, она бы ему накормила. Она бы ему...

Кстати, что это такое она брякнула тут насчет того, что ее хотят убить? Врет, нет? Не похоже, чтобы врала. Во-первых, не похожа она на врунюю. А во-вторых, слишком уж велико было ее отчаяние. И слезы, и пальцы дрожат. И нашептала ему такого!

«Степочка, – говорит, – миленький... У меня, – говорит, – никого нет, кроме тебя...»

Так ему еще никто не говорил. Никто и никогда. Кроме разве что матери. Та, помнится, гладила его по голове и всегда приговаривала, уже много позже смерти отца: «У меня ведь никого, кроме тебя, нет, Степочка, миленький мой. Никого...»

– Танечка, а я тут вот что подумал, – метался по квартире вдохновенный голос его друга. – Если вы стесните Степана, ну, если он будет очень уж сильно против вашего здесь присутствия, я, наверное, смогу вам помочь.

– Да? – впервые заинтересовалась она, устав от его трепаса основательно. – Каким образом?

– Поживите у меня на даче, – просто предложил Кириуха, забыв рассказать, как и зачем он обычно приглашал туда женщин. – Двухэтажный дом к вашим услугам. Все условия имеются. Вода, туалет, полный холодильник продуктов, телевидение, НТВ-плюс и все такое.

Ехать к нему на дачу ей абсолютно не хотелось, хотя она видела, что нравится этому разговорчивому парню. Но ехать не хотела. Не девочка была, понимала, чего ради он приглашает. И хотя в ее положении выбирать не приходилось, и по внешним показателям Кирилл мало чем уступал своему другу, она бы с удовольствием осталась здесь. Здесь все же было как-то надежнее и безопаснее.

Вспомнив о пережитой бессонной ночи, Татьяна невольно поежилась.

Неужели она не ошибается?! Неужели исцарапанная замочная скважина на ее входной двери – это следствие полуночного любопытства? Неужели кто-то хотел проникнуть в ее дом, чтобы... убить?! Убить, как бедную Надежду Ивановну? Милиция, правда, списала все на несчастный случай, спровоцированный сердечным приступом. Но бдительная генеральская вдова Софья Андреевна, с присущей ей горячностью, опровергла эту версию.

– Что вы, милочка! Не будьте столь наивны! – фыркнула она и опустила горестной скобкой выцветшие губы. – Какой сердечный приступ, если Надежда не имела в доме даже анальгина. Она была крепкой и здоровой, как гренадер! Разве вы не понимаете...

– Что я должна понимать? – Новость Татьяну поразила, но не настолько, чтобы обсуждать ее во дворе в начале девятого вечера, когда еле на ногах стоишь после бешеного ритма трудовых будней.

– Ее же убили! – зашипела рассерженной гусыней Софья Андреевна.

– Убили? Кто? – Ручки от пакета больно врезались в затекшую руку.

Угроздило же набрать продуктов, будто на месяц. И рис, и гречку, и сахар. Ох уж этот сахар... После ухода Санечки она почти его не употребляла, всякий раз находя ему замену. То джем, то сгущенное молоко, то мед. Видеть его просто не могла. А тут купила пару килограммов. И теперь переминалась на высоченных каблуках, перекладывая тяжеленный пакет с покупками из руки в руку. И слушала зловещий шепот соседки, и все силилась уловить: кто, за что и почему убил Надежду Ивановну. И почему, собственно, милиция проявила такую преступную халатность.

– Ну, вы будто с луны свалились, Танюша! – возмутилась Софья Андреевна и, заметив ее нетерпение, вцепилась в рукав ее плаща. – Как они могут, если в убийстве замешан их сотрудник?!

– Что-то я не пойму. – Смотреть на часы было бессмысленно, многозначительность ее взглядов Софья Андреевна несомненно пропустит. – Какой сотрудник?!

– Ну, как же! – вдовствующая генеральша рассердилась не на шутку и теперь уже двумя руками впиалась в ее белоснежный плащ. – Мы же видели с вами, как он предъявлял Надежде Ивановне удостоверение. И как потом потащил ее в подъезд. А потом долго не появлялся и руки вытирал белым платком. Это он! Он убил ее! А они даже слушать меня не захотели. Смотрели на меня, как на умалишенную!

Точно так же приблизительно смотрела на нее и Татьяна. Она, конечно же, помнила об инциденте, что произошел на днях под их окнами, но...

Но каким же надо было быть идиотом, чтобы, совершив убийство, вытираться прямо под окнами и не торопиться уехать?! Это вздор! И здесь было что-то не то.

– Хватит вам, Танечка, людей смешить, – снова возмутилась Софья Андреевна и засемила следом за Татьяной к ее подъезду; у той просто сил не было больше стоять.

Хотелось домой, горячего крепкого чая, потом в ванну и в постель. Укрыться с головой и уснуть. И чтобы без дум и сновидений до самого утра. А тут такое...

– Они же привыкли к безнаказанности! Убить человека им так же просто, как отобрать права на дороге! Уж я-то знаю, что такое военные! Сорок лет прожила со своим благоверным. Такая была сволочь, знаете... – Софья Андреевна запыхалась от собственной запальчивости и остановилась, ухватившись за сердце. – Он убил ее и вытер все в квартире. Милиция говорила между собой, что ни одного пальчика не нашли. По их версии, там никого, кроме хозяйки, не было. Но мы-то с вами знаем, что все было тщательно протерто.

– Ничего я не с вами! – воскликнула потрясенная Татьяна.

Приобщаться к подозрениям соседки совершенно не хотелось. И думать ни о чем таком не хотелось тоже. Но не думать, наверное, уже не получится. А ей ведь еще мимо квартиры Надежды Ивановны нужно пройти, пробираясь к лифту. И дверь с аккуратной бумажкой она увидит, и думать теперь уже точно станет. Думать и мучиться оттого, что, возможно, Софья Андреевна не так уж и неправа. Думать и еще немного бояться. Она же видела его. Она его, а он ее...

Бояться было нельзя, она это знала. Страх способен поглотить все остальные чувства. Он вездесущ и может быть совершенно неуправляемым. А ей одной в квартире еще жить и жить. Пока Санечка сподобится вернуться.

Других вариантов избавления от одиночества она тогда просто не рассматривала. До тех пор, пока через пару дней ее снова не подкараулила Софья Андреевна и не зашептала:

– Ко мне пытались проникнуть в квартиру, Таня! Я написала заявление, советую вам сделать то же самое!

Она снова тогда устала. И снова была на высоких каблуках. Да еще под самый вечер повздорила со своим боссом, который вознамерился повесить на нее еще парочку обязанностей. Раз справляешься, на-ка тебе еще. Короче, сердита она была и неприветлива. Ну, и нагрудила Софье Андреевне. Сухим голосом посетовала на занятость. Отлепила от своего рукава ее сухонькую лапку и, не узнав никаких подробностей, вошла в свой подъезд.

А на следующий день... Софьи Андреевны не стало.

Она попала на светофоре под автомобиль, решивший проскочить, пока моргает желтый. Водитель скрылся с места происшествия, а Софья Андреевна умерла по дороге в больницу. О происшествии рассказала ее племянница, развешивавшая на балконе выстиранные кухонные полотенца.

– Нету больше тети Сонечки, – всхлипнула та и пожаловалась: – Теперь вот на похороны нужно тратиться, а у нас с Тошей денег ни копейки...

И продолжала в таком же духе еще минут десять. Татьяна поспешила попрощаться, как только в этом «плаче Ярославны» появилась брешь, и скрылась в своей квартире. И проплакала остаток вечера и часть ночи, вспоминая бедную старушку и свое к ней невнимание. Ни о чем другом она больше в тот вечер и не думала. Зато на другой день...

Она точно помнила, как вышла из лифта. Как закинула сумку на плечо и протянула руку с ключом к замку. Протянула и тут же замерла. Округлая блестящая поверхность замка, размером три на три, была грубо исцарапана. Исцарапана так, будто кто-то пытался, да так и не смог отпереть ее дверь без нее. Или все же смог?!

В квартиру она не пошла. Вызвала по мобильному милицию и все время стояла перед дверью. До тех пор, пока они не приехали. Они приехали. Долго смотрели на ее замок, вздыхали, переглядывались и снова вздыхали. Потом вошли в ее дом, все осмотрели. Заручились ее утвердительным ответом, что да, все в порядке и все на своих местах, и отчалили с чувством выполненного долга.

А она не спала всю ночь, просидев в подушках с включенным по всей квартире светом. Не спала и слушала. Под утро ее сморил тревожный сон, в котором она все время от кого-то убегала. А проснувшись, Татьяна уже знала, что будет делать.

Она поедет к Степану и какое-то время поживет у него. Он будет против, она знала. Но ей непременно удастся его уговорить. Не зверь же он, в самом деле! Поймет наверняка, как ей плохо и страшно...

– Так что, Танечка? – вторгся в ее печали вкрадчивый голос Кирилла. – Может, переедем ко мне на дачу? Степан сердится, станет ворчать. А там вам будет предоставлена полная свобода действий. Так как?

Пора было прекращать подслушивать. Степан еще раз осторожно потрогал пальцами намечающуюся лысину. Растрепал волосы в этом месте, сделал пару шагов к кухонной двери и снова остановился.

С чего-то ему вдруг стало интересно, что ответит Кирюхе Верещагина. Поедет или нет на дачу к нему и вместе с ним? Последний вопрос друга яснее ясного намекал на то, что в одиночестве она страдать не станет.

Переедем или нет?.. Степан скривился.

А что? Пускай катится! Баба, как говорится, с возу... Пускай катится ко всем чертям, и Кирюха тоже пускай катится вместе с ней. Тоже фрукт! Только по Нюсе своей соплю размазывал, а тут же Верещагину начал окучивать. Она же не в его вкусе!..

– Танюша-аа, э-эй! Вы меня слышите? – Кирилл даже пальцами пощелкал у нее перед лицом, пытаясь выдернуть ее из прострации, в которой она пребывала. – Едем?

– Я не знаю, Кирилл. – Татьяна вздохнула и укрылась за чашкой с зеленым чаем, что он ей приготовил. Отхлебнула, подержала во рту и проглотила затем осторожно. Чай он ей приготовил неважный. – Пускай Степа скажет.

Лихо! Степан снова разозлился, теперь уже без промедления двинувшись в кухню. Он еще и решения должен принимать за нее! Лихо...

– О чем разговор? – вяло поинтересовался он, хотя слышал все от первого до последнего слова.

– Да вот предлагаю Татьяне пожить у меня на даче, раз ты против того, чтобы она жила у тебя. – Кирилл повернулся к Верещагиной спиной и смотрел теперь на друга умоляющим скорбным взглядом из разряда: ну, будь ты человеком, помоги, а!.. – А она на тебя ссылается.

– Мне по барабану. – Степан скривился другу в лицо, но так, чтобы Татьяна не видела. – Пускай едет, если ей так хочется.

Сказал и сел к столу завтракать. С хрустом откусывал от целого огурца, заедая его ломтем черного хлеба, и без устали таскал с тарелки колбасу. Крабовые палочки, что зажарил Кирюха для Верещагиной, он принципиально не трогал, хотя и любил. Пускай уж дама угощается, раз тут перед ней так выкладываются.

А дама расстроилась. Такого откровенного равнодушия с его стороны, если честно, она не ожидала.

Болван! Бесчувственное, неструганое бревно! Неужели не видит, как ей сейчас плохо?! Неужели ни капли сострадания в нем нет?! Немного-то ведь успели они узнать друг друга, и должен он был понимать, каких трудов ей стоило заявиться к нему. И что все это было продиктовано не минутными капризами, а страхом. Самым настоящим, жутким и почти осязаемым. От которого звенит в ушах и дико заходится сердце. А ему по барабану...

– Едешь, нет? – нелюбезно глянул на нее Степан и тут же чуть смягчился: – Думай сама, я тебе здесь не указ. Хочется, поезжай. У Кирюхи там классно. Все условия есть и для работы, и для отдыха, и для... Гм-мм, ну да тебе еще предстоит узнать.

Зачем сказал?! Прозвучало глупо! Глупо и ехидно. Если не дура, поймет, что он злится. А поняв, начнет думать: что да почему. А ему того не надо. Он и сам не знает, отчего бесится.

– Я бы пожила здесь, – ответила через силу Татьяна, решив стоять до последнего. Если уж снова начнет выносить ее вперед ногами, тогда уж поедет к Кириллу на дачу. – Если ты не против, конечно. Здесь мне и до работы ближе. И вообще...

Кирюха мгновенно сник и к столу подсел уже без былого оживления. Сразу стал ныть, поглядывать на часы, вспоминать несчастную обиженную Нюсю. И когда через полчаса она позвонила ему на мобильный, тут же сорвался и уехал к ней.

Завтрак они заканчивали в полном молчании. Вернее, это Степан завтракал. Верещагина же ерзала кружкой с нетронутым чаем по столу и смотрела все время куда угодно, только не на него.

Зато он разглядывал ее без смущения. Разглядывал и силился понять, чем же она так пленила его друга. Видел тот ее впервые и сразу запал настолько сильно, что начал зазывать к себе, а это подразумевало...

Ну, да неважно, что это подразумевало. Все взрослые люди были, понимали.

Сегодня она, кстати, выглядела не так свежо и шикарно, как обычно. Лицо бледнее обычного, темные круги под глазами, губы совершенно бесцветны. Простенькая юбочка, вытянутый на локтях свитерок. Да, не так, как всегда. И еще потерянно как-то. Не было обычной самоуверенности, от которой она задирала нос. И взгляда холодного не было – обычного ее атрибута.

– Так что там у тебя стряслось? – спросил вдруг Степан и тут же пожалел об этом.

Ну, вот зачем?! Тебе-то какое, собственно, до этого дело?! Не терпится быть втянутым в историю? В ее историю? Мало муторных походов по театрам и музеям? Мало потерянных вечеров? Так она тебе добавит, не сомневайся. Добавит так, что белый свет тебе с алтын покажется. Идиот, что тут скажешь! Был бы умным, отделался бы от нее еще тогда, в кафе...

– Стряслось то, что вокруг меня начали умирать люди, – проговорила Верещагина чуть слышно. – Не в том смысле, конечно, не в буквальном. А соседи... Сначала одна женщина с первого этажа. Потом соседка через стенку. А потом этот мой замок.

– А подробнее можно? – сразу скис Степан, услышав упоминание о смерти.

Этой гадости он не терпел. Никогда не шел в понятия, если дело касалось аварии или убийства. Никогда не ездил на опознание. Никогда не смотрел на покойников, даже если доводилось присутствовать на похоронах. Потому что ненавидел смерть. Ненавидел и всячески старался избегать ее соседства. Он даже... к гробу матери не подходил, боясь не запомнить ее живой. А тут вдруг у Верещагиной такая история.

– Я сначала не обратила внимания на ее слова, – во всех подробностях рассказывала она Степану о том, что произошло с ней за последнее время. – А потом, когда и ее не стало... И опять эти царпины на замке...

– А может, это просто совпадение? Или мелкий домушник решил пожить твоим имуществом, пока ты на работе. А? Может, совпадение? – все еще не хотел он терять надежду на то, что, может, пронесет и все страхи Верещагиной окажутся пустыми.

– Ты в это веришь? – изумилась Татьяна, подняв на него бездонно-голубые грустные глаза.

– Нет.

Он не верил, конечно, потому что вообще в совпадения не верил. Кроме разве что одного совпадения, столкнувшего его с Верещагиной тем пасмурным днем. Зашел бы чуть позже и не встретил бы ее. И не сидела бы она сейчас напротив него и не обременяла своими проблемами.

Пожил, черт побери, спокойно!..

– Я думаю, что я следующая, – выдохнула она со всхлипом. – Так не хочется умирать, Степа! Никогда бы не подумала, что это так... противно.

– Противно?

– Противно! Страшно, конечно же, несомненно. Но противно-то как! Ты живешь себе, никого не трогаешь и вдруг, сама того не ведая, переходишь кому-то дорогу. И за тобой начинается самая настоящая охота. Противно быть дичью, Степа!

Она выбралась наконец со своего места и принялась убирать со стола. Засучила рукава свитера, обнажив изящные бледные руки, и принялась споласкивать чашки и тарелки.

Он хотел ее поначалу остановить, но потом вспомнил, что Ираида Васильевна придет только во вторник. Сегодня была суббота. Не стоять же грязным тарелкам в раковине еще три дня. Пускай, в конце концов, хоть чем-то платит за его вынужденное гостеприимство.

Нет, ну что все-таки нашел в ней Кирюха? Надо бы спросить. Сегодня вечером они встречаются на фирме, там и спросит...

Кирюха заявился в офис, уже когда Степан сворачивался.

– Извини, брат, Нюся совсем осатанела, – покаялся Кирилл, с тяжелым вздохом опускаясь за свой стол. – Разборки, разборки, сплошные разборки. Родичей привлекла. Слезы, хай... Дошло до того, что начали звонить знакомому наркологу. Кодировать меня собрались. Ну не дураки?!

– А ты что? – Степан искренне сочувствовал, попасться в руки такой женщины, как Нюся, он не согласился бы ни при каких обстоятельствах. Осыпь его золотом, не согласился бы.

– А что я?! Собрал вещи, сунул кольцо в карман, сделал всем ручкой и съехал... – Кирилл помолчал какое-то время и через паузу добавил со значением: – На дачу съехал.

– Угу, – не принял его подачи Степан, продолжая собираться. – Так тут вот о делах, коротенько... – Он подсунул другу несколько бумаг, дождался, пока тот поставит свою подпись рядом с его, и продолжил: – Не стал я никого увольнять, Кирюха. Каялся тут мне этот криворукый, каялся. Клялся, что никогда больше и ни в жисть. Оставил пока. Ты как, не против?

– Нет, – кажется, тот даже не понял, о чем речь. – Слушай, а твоя жиличка, она что?..

– Что? – Степан встал из-за стола, сунул под мышку барсетку и направился к двери.

– Она сейчас где? – Кирюха нетерпеливо заерзал на стуле.

– Дома, наверное. – Степан равнодушно пожал плечами, но интерес друга ему был отчего-то неприятен, и он фыркнул зло: – Я что, ее пасти должен?!

– Нет, нет, упаси тебя господь! – поспешил обрадоваться Кирюха. – Дома-то у тебя?

– А где же еще! Она же с вещами приперлась! – Степан отвернулся, взявшись за ручку двери. – Пока, друг, пора мне.

Кирюха тут же засуетился, засобирился и помчался за ним следом, на ходу приговаривая с воодушевлением:

– Слушай, может, мне пригласить ее куда-нибудь, а? Как думаешь, это удобно?

– Я ничего не думаю, знаешь! – фыркнул Степан, подивившись тому, что вот ему-то в голову не пришла такая простая мысль, как пригласить Верещагину куда-нибудь поужинать.

– А ты, Степка, того... не против?! – вдруг забеспокоился Кирилл и даже споткнулся на пороге гаража. – Может, у тебя какие-нибудь виды на нее имеются? Так ты скажи, я тогда отвалю и все такое...

– Нет у меня на нее никаких видов, Кирюха, – улыбнулся ему Степан, а про себя подумал, что выбирать-то все равно ей.

Выбирать между ними двумя.

Что же все-таки Кирюха в ней нашел? Даже Нюсе дал от ворот поворот, а ведь детей с ней иметь собирался. Чудно-о!..

– Так я еду к тебе, друг? – Кирюха топтался у своего «Фольксвагена» – точной копии Степкиной машины. – Ты как?..

– Поехали. Только давай для начала в магазин заскочим. Дома, кроме колбасы и сыра, ничего нет. А жрать, невзирая на жизненные изменения, все равно хочется. А Ираида Васильевна моя еще только во вторник придет. Не умирать же нам всем с голоду.

Под «нами» он ничего такого не подразумевал. Ну, себя, Кирюху, конечно же. Ну, и Верещагину еще, может быть. Раз уж пришла жить, не морить же ее голодом. Вот ведь история...

Степан впервые за целый день улыбнулся, вспомнив, как она провожала его на фирму.

– Ты надолго? – спросила Татьяна, скрестив руки под грудью, которая, на его взгляд, была немного великоватой для ее прозрачной стройности.

– Я? – Вопрос его поразил в самое сердце, никто со смерти матери не задавал ему таких вопросов, не смел задавать. Он сам по себе, а все остальные... Но вдруг ответил: – Не знаю, как получится.

– Ага... Ладно... – Она повернулась и снова пошла на кухню.

– А чего ты вдруг? – крикнул он ей в спину и тут же покосился на ее ноги в капроновых колготках, Верещагина все еще ходила босиком по его полам.

– Да ничего, просто думала... Может, приготовить что к обеду?

– Нет. – Он испугался и даже головой замотал совсем по-ослиному. – Ничего не нужно! Никаких обедов! Я не обедаю дома! Никогда!!!

Еще чего не хватало! Сначала тарелка супа. Потом часть отвоеванной территории. Потом часть отвоеванной души.

Нет... Нет, нет, нет!!!

Он свободен, независим и ценит это, как ценит жизнь человек, сумевший заглянуть туда, откуда не возвращаются.

Он ушел, хлопнув дверью. Сел в машину и нарочито долго плутал по улицам, прежде чем поехал на фирму. Все пытался успокоиться, загнать раздражение внутрь. Потом она позвонила ему и, когда он ответил, сказала лишь короткое «прости».

Злиться он перестал тут же, сразу свернув в нужном месте, и через пару минут уже тормозил у ворот своего автосервиса. Будто ее кроткое извинение что-то изменило разом. А может, и изменило, он так и не понял. Зато она наверняка поняла причину его паники. Не дура же, в самом деле. Ну и пускай понимает. Понимает и не суется со своим обедом, мать его...

Они вытащили с Кирюхой из лифта по паре огромных пакетов. Степан отпер дверь своей квартиры, переступил порог и успел только нащарить на стене выключатель, когда Кирюха сдавленно зашипел ему в спину:

– Чем это так вкусно пахнет, Степаша?! Она что, еще и готовить умеет?!

– Ага, а также на машинке шить и крестиком вышивать. – Раздражение пробудилось с новой силой.

Просил же не соваться со своей стряпней, нет же...

Они зажгли свет и прошли с пакетами в кухню. На газовой плите стояли две маленькие кастрюльки, накрытые полотенцем. Кирюха тут же полез под крышки и зашептал, зашептал, восхищенно прищелкивая языком:

– Щи, Степаша! Щи самые настоящие! Как пахнут!

Щей ему хотелось, если честно. Наваристых, золотистых и густых. Со сметаной или майонезом. А на отдельной тарелке чтобы лежало мясо, настриганное крупными ломтями. Мать так всегда его кормила – сытно и незамысловато.

– А там что? – Степан водрузил пакет на стол и ткнул пальцем в другую кастрюлю.

– А там курятина, тушенная с морковкой! – Кирюха почти счастливо рассмеялся и звучно сглотнул. – Давай поедим, что ли? У меня со вчерашней помолвки во рту, кроме рассола, ничего не было.

– А как же утро? – напомнил ему Степан их совместный завтрак. – Ты же ел!

– Я? Ел? Да ты что?! Разве я мог жевать, находясь рядом с такой женщиной?!

– С какой? – Степан достал из сушки две глубокие тарелки и принялся щедро наливать себе и другу. – Что в ней тебе так понравилось? Обыкновенная замороженная рыба, да и только.

– Тише ты! – шикнул на него Кирюха и опасно оглянулся на кухонную дверь за спиной. – Услышит еще, обидится.

– Да нет ее. Туфли отсутствуют. Курточка тоже. – Степан пожал плечами, стараясь казаться равнодушным, но вопросец все же точил изнутри: куда же это госпожа Верещагина умыкнулась, наготовив щей.

– А-а-а, тогда ладно. Но я все же взгляну, с твоего позволения. – Кирюха быстро пробежал по квартире, вернулся и разочарованно развел руками: – И правда, нет ее, Степ. А где же она? Сказала, что ей угрожает опасность, а сама куда-то запропастилась.

Он показался Степану на удивление расстроенным.

– Слушай, а может, ты влюбился? – поинтересовался Степан, опустошив целую тарелку щей и потянувшись к кастрюле с курицей.

– Может, и влюбился! – пробурчал Кирилл с полным ртом капусты. – Немудрено в такую женщину влюбиться. Не знаю, чего ты до сих пор терялся. Я бы уж не упустил возможности. Позволишь? Ах да, тебе же по барабану, я слышал! Так я ей займусь? Такая женщина! Она всех моих трех предыдущих жен стоит вместе взятых. Она... Конечно, она не из наших любимых задурелых, это факт, но в ней столько огня! И насчет рыбы замороженной ты, старик, не прав. Ее только расшевелить требуется. Чуть-чуть дунуть – и займется. Поверь!.. А как готовит!.. Конечно, любить такую даму много нервов нужно. Нервов, времени, сил, ну и денег соответственно. Она не одноклеточная, это однозначно. Сложный организм, это понятно... Так я займусь ею? Чего молчишь?

Сказать в ответ было нечего.

Смотреть на Верещагину глазами друга не хотелось. Своего мнения он менять не собирался, во всяком случае, пока. И в то же время мысль о том, что ею кто-то будет заниматься, пускай даже и его друг, была неприятна. Не сильно, нет. Немного совсем, но неприятна.

Кирюха был прав. Любить такую женщину очень проблемно. Проблемно, хлопотно и нервно. Не каждому по силам. Санечка вон ее и тот не выдержал, прожив вместе столько лет и нажив дочь и совместное имущество. А Кирюха рвется, будто все про нее заранее знает. Хотя... Хотя, учитывая его богатый опыт семейной жизни, может, он не так уж и не прав...

Курица по вкусовым качествам ничуть не уступала шам. Они хватали большие сочные куски, обгладывали с косточек мягкое нежное мясо и жмурились от удовольствия.

– Слушай, а ей-то мы оставим или нет? – вдруг всполошился Кирилл.

– Надо бы... – Степан заглянул в кастрюльку. В жирной морковной подливке сиротливо болталось одинокое крылышко. – Кажется, мы с тобой все съели. О как!

– Ладно, старик, не парься. Время позднее, ей на ночь наедаться вредно. Такую фигуру нужно блюсти. Давай сюда, что там еще осталось...

Они съели все и макали потом хлебные корки в подливку, цепляя морковку с луком и отправляя в рот. Вымыли посуду. Посмотрели телевизор. Поговорили. Украдкой друг от друга смотрели на часы и, каждый по-своему, волновались из-за ее долгого отсутствия.

Потом Кирюхе позвонила мать и со слезами в голосе потребовала немедленно приехать. Тот нехотя уехал, оставив Степана в одиночестве.

Тишина пустого вечера тут же начала давить ему на уши, снова заставив нервничать.

Сидел бы сейчас в баре, отдыхал. Снял бы девочку, развлекся бы. А вместо этого что? Сидит и, как болван, слушает шум лифта в подъезде.

Куда ее унесло на ночь глядя, а?

Какое-то время Степан еще посмотрел футбольный матч, потом оделся и вышел на улицу.

Там было темно, свежо и тянуло сыростью скорого дождя.

У подъездной двери отирались подростки, воровато пряча в рукава сигаретки. Хором поздоровались и растворились куда-то, пока он оглядывал двор.

Двор как двор. Автостоянка на пятнадцать машин. Его место было третьим справа. Это было их негласное соседское соглашение – у каждого свое место, и ни-ни на чужое. У каждого подъезда, а их было всего-то два, по две лавочки, кустарники, чахлые липки. В дальнем углу несколько ракушек, предмет постоянных визитов представителей инспектирующих организаций. И ни одного фонаря. Ни одного...

Пойдет через двор, прицепится кто-нибудь в такой темноте. Перепугает. И даже если она кричать начнет, он не услышит. Все до единого окна выходят на противоположную сторону. Это он про Верещагину подумал мимоходом. А сам тем временем шагал к машине.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.